

ДАХА ТАРАТОРИНА

16+

ХОЗЯИНИ
БОЛОТА

Враки

Даха Тараторина

Хозяин болота

«Автор»

2022

Тараторина Д.

Хозяин болота / Д. Тараторина — «Автор», 2022 — (Враки)

Страшна любовь господина болот! Но за нелюбимого замуж – куда страшнее. Иве чудилось, она с жизнью прощалась, когда шла в запретную чащу и молила Хозяина болота о помощи. Одного она не ждала – что страшная сказка оживёт, а Хозяин отзовётся и примет жертву.

© Тараторина Д., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	28
Глава 7	35
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Даха Тараторина

Хозяин болота

Глава 1

Болото

Девушка шла по топкой болотистой тропе босая и простоволосая.

Ступни вязли в мягких травах, тревожили мох. Безлунная ночь гладила озябшие плечи, покрытые лишь рубахой, вышитой знаком вспаханной земли – узор невесты. Сменит суженая девичий убор на платок мужатой бабы, узлом вперёд, так и вышивку надобно будет сменить: вспаханное поле – на засеянное, призывающее достаток в семью и предрекающее здоровых и крепких деток новобрачным.

Вот только Ивушка не гредила синим узором на рубахе вместо алого. И достатка не желала, и деток тоже. Не от того, кого называли суженым родичи.

– Матушка, родная, – шептала девушка, утирая горячие слёзы, – неужто я чем тебя прогневила? Неужто праздничный хлеб в моих руках не подходил, неужто непрочной выходила нить на пряже? За что? За что?!

Тропка истончалась, уводя Иву всё дальше от деревни, но девушка не останавливалась. Шла... бежала, как от самого горького горя! Лишь бы не узнали, не поймали и не воротили... Лучше заплутать в лесу, в болоте сгинуть, чем ступить под брачный венец вместе с нелюбимым.

Девушка закусила палец, чтобы не взвыть подобно волку. Кому другому суженый мог бы прийти по нраву. Невысок, но статен, что греха таить? Первый мастер на деревне. Богат... В том-то и беда!

– Батюшка, родный! Неужто не прокормил бы дочурку? Старшего сына женил, да на хорошей семье! Среднего пристроил... Почто младшенькую дурёху отдаёшь?

Но тот и слушать не желал уговоры и просьбы. Шлёпнул за вечерей ладонью, да спасибо по столу, а не по зарёванным щекам.

– Ты мне, Ива, не перечь! Сегодня люблю, завтра не люблю... Придумала тоже! Сказано – замуж. Стало быть, пойдёшь, за кого сказал.

И ведь не за беззубого старика сговорили. Не за малолетку, который под стол пешком ходит. Одна беда: лучше за Хозяина болота, чем за красавца-кузнеца. Хозяин болота не ловил Ивушку за косу в урожайную ночь, не валил наземь да не задирал подол... Да не посмеивался после, подвязывая пояс.

Узнает кто, – засмеют. Не дадут проходу опозоренной, не позволят глаз поднять. Лучше в омут с головой. Лучше в черноту болота юркнуть, спрятаться навек от злословия.

Подол белоснежной рубахи измарался в грязи, острые ветки цепляли ткань, оставляя на ней полосы – тёмные и грязные. Почти такие же, как те, что проявились на запястьях у Ивушки наутро после урожайной ночи. Она прятала их от батюшки с матушкой, а и не стоило бы. Надо было под нос сунуть: нате! Вот как хорош ваш жених!

Нынче не поверят... Сколько времени уже минуло. Скажут: выдумала! Дура девка...

Огни и запахи деревни давно потонули в непроглядном мраке деревьев. Тянуло могильной сыростью и железом от недоброго места.

«Не ходите к болоту!» – учила старая бабка Иву с братьями сызмальства. – «Утащит Хозяин – век не сыщем!»

И Ива слушалась, хоть и манила дорожка из ягод спелой клюквы и брусники, хоть у болота и росли всегда самые крупные да крепкие грибы. Но незримую границу она всё ж не пересекала. До сего дня.

Нынче чудовище из бабкиных сказок страшило её всего менее.

Бескрылая тень мелькнула перед лицом, как бы упреждая, прогоняя из гиблого места. Ива отшатнулась, вскрикнула, да и упала навзничь, уцепившись за корягу, ободрав локти. Алое на зелёном – капли крови окрасили мох. Казалось бы, что ещё нужно? Сами боги ограждают и гонят! Неужто лесные чудища милее красавца-жениха?!

Ивушка поднялась, промакнула рукавами расшибленные локти и упрямо двинулась вперёд.

Под ногами стало мокро, зачавкала земля, готовая проглотить глумную девку, порскнули в стороны лягушки. Заухали совы: беги, беги пока не поздно! Спасайся!

Вот и болото.

Чёрное око его слепо тарашилось в нанизанное на хилые деревца небо.

Ива сделала неосторожный шаг, и обманчиво-твёрдая земля провалилась, заглатывая ноги по колено.

– Мамочки!

Визг захлебнулся в сытом чавканьи трясины.

Молиться бы всем богам, звать на помощь... Но, коль уж дал слово, – держи. Особенно если это слово Хозяину болота.

Ива сцепила зубы, стараясь не думать о ледяной пустоте, облизывающей ступни.

Правда ли, нет ли, но бабка сказывала, что когда-то в болото уходили несчастные девушки. Кто остался вдовой, кто не сумел соединиться с любимым в этом мире. Или вот, как Ива, кто не желал замужества.

– Забери меня, Хозяин болот. Стану тебе бездыханной невестой, стану бледной тенью и верной женой с недвижимыми руками. Станут волосы мои зелены, а ноги прорастут осотом. Только забери к себе, защити!

И тут болото... задышало. Чёрная вязкая жижа всколыхнулась, запузырилась, точно под нею бродил утопленник, пошла буграми.

Ива закрыла рот узкой ладонью, чтобы не закричать, но всё равно заскулила, как подбитая псица.

Трясина ожила, перекатывалась волнами, которым здесь, в безветренной чаще, взяться было неоткуда. Заросли ряски треснули, выпуская на волю нечто жуткое, голодное, одинокое...

Тишина резала уши. Не переговаривались лягушки, не шептались деревья, не шуршали крыльями птицы. Всё замерло в ожидании рождения чего-то нового, неизведанного. А потом болото застонало. Болезненно, дико. Стон проникал под кожу колючими иглами.

Чёрная вода собралась к центру и выросла подобно кочке. Поднялась выше, выше, ещё... Вот уже чёрное нечто в человеческий рост стояло посреди топи как на сухом. Вот оно двинулось к Иве.

Девушка рванулась, но трясина лишь крепче ухватила: попалась!

А Хозяин болота приближался, тянулся к ней, к единственному источнику живого тепла в этом гиблом месте. Он подходил ближе и ближе, всё боле становясь похожим на человека.

Чёрное и страшное замерло совсем рядом: коснуться можно. Но касаться его не хотелось. Затянет, проглотит, превратит в ничто.

– Я пришла к тебе по доброй воле, – пролепетала Ива.

Нет уж, она не отступит и не станет молить о пощаде. Она точно знает, что есть монстры пострашнее этого.

Хозяин затрясся от беззвучного смеха и поднял руки... подобие рук. С усилием провел ими по телу сверху-вниз, словно обмываясь. Чёрная жижа стекла, обнажая силуэт. Почти чело-

веческий, почти осязаемый. Он был худ и высок. Бледен, наверное, почти так же, как попавшая в ловушку Ива. По его груди и спине, по коже, не видевшей солнца многие десятилетия, густыми каплями ползла чёрная вода.

– Невеста, – усмехнулся Хозяин болота. – Что ж, будешь моей невестой.

Он наклонился к ней, прижался чёрными губами к губам, оставляя после себя привкус плесени, потянулся обнять...

И без того едва различимый зеленоватый свет блуждающих болотных огней померк, а Ива сползла наземь, окончательно распрощавшись с рассудком.

Глупая упрямая девка.

Глаза слепо таращились в слишком яркое небо, но закрыть их не было моченьки. Недвижимые руки и ноги, широко раскинутые, озябли, а рубаха насквозь пропиталась вонючей болотной жижей. Любопытная стрекоза покружила перед бледным девичьим лицом, унеслась, вернулась и аккуратно пристроилась на кончике носа.

Ива чихнула и села. Огляделась. Рассветное солнце заливало опушку, отгоняя тьму под укрытие орешника, покамест не высохшая роса сверкала на траве драгоценными камнями, а ночная мошкара искала укрытие от надвигающейся жары.

Девушка сидела на краю леса, насквозь продрогшая. Да только не один холод заставлял её плечи дрожать: там, позади, в чаще, затаилось нечто. Оно не смело выйти на солнечный свет, но Иве мстилось, – следит, не уходит. И уж точно не по волшебству она очутилась здесь. Кто-то принёс. Помнила ведь, как брела по истончающейся тропке к болотам, как призывала Хозяина в защитники, как он...

Ива охнула и схватилась за голову.

– Что натворила, дурёха?! Беду накликala! И ладно бы только на себя...

Хозяин болота не принял жертву. Трясина выплюнула нерадивую невесту, да к тому ж доставила почитай к самой деревне. Вон, если приглядеться, уже и дома видать, и большой колодец, обложенный камнями, у околицы.

– Что же теперь будет? – прошептала девушка.

По затылку огрела шальная мысль: воротиться. Да не в деревню, а обратно к топям. Хотела сгнуть, так иди до самых Огненных врат на тот свет! Но отец-небо уже прогнал ночную мглу, вывесил на радость людям солнечный диск. Нынче беспросветное горе, погнавшее Иву в запретную чашу, казалось не таким уж и страшным. Ну бухнется на колени перед матерью, ну повинится... Простит! Обязательно простит и неволить не станет!

А вот что сделает с добычей Хозяин болота и доведётся ли уберечься от него вдругорядь, одним богам известно.

Ива поднялась на занемевшие ноги и поспешила вниз по холму, покуда соседи не успели высыпать на улицу. Не хватало ещё позориться перед добрым человеком, щеголять в грязной рубахонке!

Бежать пришлось бегом, приподняв мокрый подол, чтоб не лип к коленям. Пospеть бы к колодцу, пока кто-нибудь не вышел за водой! Ива перевесилась через каменный бортик, вытягивая отяжелевшее ведро с водицей, плеснула колодезной в лицо, изгоняя жуткое ночное видение. А может примерещилось? Потеряла девушка сознание от холода и расстройства, да нагладелась кошмаров – вот тебе и Хозяин болота... Правду молвят: у страха глаза велики. Да и откуда бы светлым днём взяться силам у ночных кошмаров? День – время забот. У Ивы коза не доена, а стадо уже вот-вот погонит в поле пастух; куры не кормлены; да и водицы из этого самого колодца не мешало бы натаскать. Ива напоследок взглянула на застывшее в водной глади отражение... и обомлела.

В растрёпанной косе, прежде чёрной, как уголья в печи, появилась цветная прядь. И ладно бы седая! Немудрено: натерпелась страху, пусть и во сне, да и поседела враз. Случается, хоть и редко.

Нет! Прядь была зелёной, точно болотная тина.

Глава 2

Нелюдь

Прошмыгнуть мимо дотошной бабки Заи, которая видит и знает всё, хоть и из избы почти не высовывается; подлезть под знакомую сызмальства отстающую досочку в заборе; резво перепрыгнуть через грядки – и в хлев, схорониться.

Ива прижалась к бревенчатой стене, с трудом переводя дух. Любопытная рябая коза сразу потянулась к хозяйке.

– М-м-ме? – По делу ли пришла?

Девушка потрепала её по морде, почесала между рогами, больше сама успокаиваясь, чем утешая Рябинку. А та вдруг припала на задние ноги и испуганно замотала головой.

– Ну что ты, милая? Тише, тише! – Но Рябинка только сильнее взбеленилась: привстала на дыбы, заблеяла, заметалась по тесному уголку между кормушкой и стеной, едва не проломив себе выход наружу. – Да ну что ты?!

Ива с трудом словила беснующуюся зверюгу. Пришлось связать ей задние ноги, чтобы не брыкалась, да ещё и примотать верёвкой за шею, чего со смирной козочкой никогда не случалось. Только тогда та позволила опустошить отяжелевшее вымя, но всё равно косилась на доярку выпученными полными непонимания глазами. А потом улучила момент и... ап!

– Ах ты ж гадина!

Едва успев увернуться от острых рогов, девушка всё-таки расплескала половину молока из чашки. Коза же с победоносным видом принялась жевать вырванный лоскут рукава.

Ива в сердцах огрела нахалку по хребту: окончательно рубашку испортила! Разве заплатку положить... Но втайне порадовалась возможности избавиться от пропитанной болотным духом одежды. Вот, даже зверьё шарахается! Небось так просто не отстирать. Девушка наскоро прикрыла волосы забытым матерью платком, а на бёдра повязала старую тряпку, сосланную в хлев за непотребным видом. Авось, срам спрятать сгодится.

Дальше всё пошло своим чередом: покормить да выгнать болтушек-курей, выволочь упирающуюся Рябинку за забор (едва успела пристать к остальному стаду!). Стоило ещё вывести пощипать травки Серка, но жеребчик может и потерпеть, покуда хозяйка переоденется, поэтому Ива направилась к дому.

Там удача и кончилась. Избежать внимательного материного взгляда не вышло. Женщина сутилась в кухне, вынимая из печи с вечера поставленные томиться горшочки. Она утирала потный лоб и натужно пыхтела. Топить избу в середине лета дело непростое. Но на уличных очажках готовить такое важное блюдо нельзя – на закате ждали сватов. Потому-то Ива и маялась всю ночь, потому заливалась слезами. Ведь, если всё пройдёт так, как угодно родичам, это была последняя ночь свободной девицы.

Ива замерла на пороге, чего делать ни в коем случае не следовало: недобрая примета! Надо бы осторожно переступить его, чтобы не потревожить границу миров, и без того зыбкую для невесты. Но учуявшей запаха праздничной снеди девушке было не до примет. Надеялась ли она, что смотрины – такой же кошмар, как Хозяин болота? Что сговор забудется, а поганый кузнец с сильными, не справится девке, руками сгинет как талый снег? Ещё как надеялась! Да обманулась...

– Дитятко! Ты что же это?!

Матушка подбежала и сдёрнула Иву с порога. Подхватила метёлку из гибких берёзовых веточек и поспешила подмести границу, пока злые духи не ухватили доченьку за пятку. Ива же только переводила взгляд с матери на печь и обратно. Не привиделось, не приснилось в

страшном сне. Всё правда, всё реально. И кузнец с сильными руками действительно явится и заберёт её из отчего дома, чтобы... чтобы сотворить такое, о чём Иве нелегко вспоминать.

– Ивушка! – Выпроводив незримую нечисть за порог, Лелея развернулась к дочери. – Ну что же ты, милая? Рано плакать покамест! Вот как плакальщиц перед свадьбой созовём, так и... Доченька!

Ива заплакала пуще прежнего. Не со всхлипами и мольбами: то уже было, да не помогло. Она плакала тихо и не шевелясь. Только крупные и почему-то холодные капли катились по бледным щекам.

Женщина едва успела подхватить крынку с парным молоком, выпадающую из ослабевших пальцев дочери. Отставила и обняла младшую любимицу. Так они и стояли: совсем не похожие, будто и не родные вовсе. Лелея – румяная, округлая, загорелая. И Ива – бледная тень матери, с рождения худая и слабенькая, с тонкой кожей, что покрывалась красными пятнами на солнце. Будто и не деревенская девка вовсе, а слабенький отпрыск заезжего купца. Быть может, потому отец всегда и был строг: братья-то уродились точно в родителей. Один отцовская копия, второй – материна. И только Ива ровно подкидыш... Кабы не старая бабка, сразу после рождения дитятки узревшая в ней сходство с покойной сестрицей, и вовсе решили бы, что подменыш в семью попал. Не ровен час, ещё прикопали бы где-нибудь за ручьём, чтобы в деревню не вернулся.

– Ну? – Лелея отстранилась. – Разве можно так рыдать? Неужто, – она хитро подмигнула, – так страшишься супружеского ложа?

«Ох, маменька, – горько подумала Ива, – Чего мне уже там страшиться?»

А Лелея продолжала:

– Так это ты одна у нас такая скромница! Братья сизмальства от мальчишек ограждали, вот ты ни с кем и не водилась. А подружек спроси: каждая если не урожайной ночью успела с кем помиловаться, так хоть в баню одним глазком подсмотрела! Было бы там, чего пугаться!

И верно. Урожайной ночью каждая успела до стога прогуляться с любимым. А иной раз и не с любимым вовсе, а просто с приглянувшимся молодцем. Как ещё славить землю, готовить поля к посевам? Только прославляя любовь! Испокон веков так повелось. И девки с парнями, собираясь на праздник, точно знали, за чем идут, и никто не судил их в эту ночь. В любую другую в году косы бы обрезают за распутство, но не в урожайную.

А после праздника случались и свадьбы. Иные, впервые встретившись при свете костров, уже не расставались. Другие же, напротив, расходились, чтобы никогда не встретиться. И дети тоже случались, да. И все знали: зачатый этой ночью счастливец во всём станет сопутствовать удача. Бойко, старший братец Ивы, таким и уродился. Не зря, небось, женился на городской красавице да был принят в её семье как родной.

Все знали, как веселится молодёжь в урожайную ночь. Знала и Ива, когда шла на праздник. Знала – и не боялась. А чего бояться? Есть милый друг, кузнец Бран, он от кого угодно оборонит: от дикого ли зверя, от человека... Одного Ива не знала: что зверь и человек могут быть единым целым.

Ива и правда была скромна. Иные девки шли на поляну за деревней и вовсе нагишом, скидывая одежду, как только закрывались деревенские ворота. Ива же отправилась в рубахе. В белоснежной, тонкой, собственноручно вышитой. И всё одно ощущала, будто непотребство творит.

Она тогда замялась у околицы, переминаясь с ноги на ногу: земля только-только успела принять в себя первое тепло, в одиночку не согреешься.

– Уж не меня ли ждёшь, девица? – прошептал кто-то над ухом, оплетая её руками за пояс.

Ива дёрнулась, не сразу узнав грубые пальцы кузнеца.

– Здравствуй... – прошептала она, не решаясь обернуться.

– Заждалась? – скользнул он губами по шее.

Она кивнула, ощущая, как жар заливает щёки.

– Пойдём!

И он повёл её, нерешительную, туда, где мерцали рыжие точки огней на поляне, где извивались в танце тени, где предстояло случиться чему-то... чему-то, о чём Ива и думать страшилась.

– Может не надо всё-таки? На будущий год?..

– Э-э-э! Да ты трусишь! – расхохотался молодец. Он легко оторвал её от земли и прижал к широкой обнажённой груди. Ива взвизгнула и лишь слегка успокоилась, сообразив, что ниже пояса кузнец всё же одет. – Не бойсь! Я ж с тобой!

И понёс её, сжимая так крепко, что не вырваться. Знала бы тогда Ива, что взаправду не вырвется...

Хмельное вино, танцы, жар огня и рук – всё смешалось воедино, опьянило. Ива кружилась в объятиях милого, не понимая, где его ладони, где собственные, она плясала и плясала, отдаваясь безумию, доверяясь и доверяя. Звёзды перемешались над головой, закружились в хороводе с кострами, а когда музыка и смех стали тише, а спину охладила росистая трава, девушка и сама не уразумела.

Бран навис над нею, сосредоточенный, наморщил лоб, и всё шарил, пытался нащупать что-то внизу. Ива захихикала, уворачиваясь от поцелуев:

– Щекотно!

– Лежи! – приказал кузнец, не выпуская её.

– Бран, ну хватит! Ой, ой, не могу! Ну прекрати! Щекотно же!

Шершавые ладони приподняли рубашку и скользнули по бёдрам вверх, а Иву точно холодной водой окатило: сейчас случится! И она дёрнулась что есть мочи, как заяц, попавшийся в силки. И попросила уже серьёзно:

– Не надо, Бран!

– Тихо-тихо, – только зашептал милый, надавливая ей на плечо, чтобы не мешала.

– Бран, хватит! Я... Перестань, я не хочу!

– Не хочет она... – фыркнул кузнец. – Все вы сначала не хотите, уговаривай, упрашивай... А потом за уши не оттащишь... Ай!

Во рту ощутился запах крови – кусалась девица знатно, от всей души.

– Пусти!

– Да замолчи ты!

В ход пошли ногти. Ива брыкалась и уворачивалась, но поди ж пройми кузнеца, который быка одной рукой удержит! Ива закричала. Куда там! Крики и смех слышались со всех сторон, и поди разбери, кто в шутку обороняется, а кто всерьёз.

– Бран, пожалуйста! Прошу тебя, не надо! – взмолилась девушка.

Хмельной угар подстегнул злость парня:

– Вот дура! Знала, куда шла! Не рыпайся теперь уж!

Он задрал её руки над головой и крепко стиснул запястья. Утром на них проступят синяки, которые Ива будет прятать под широкими рукавами, и никому не покажет. Потому что стыдно. Потому что страшно. Потому что она и правда пришла сама...

Он задрал подол до самой шеи. Смял и испачкал, не обратив внимания на аккуратную вышивку, над которой вечерами сидела девушка, с силой раздвинул ей бёдра. А потом стало больно.

Ива так и лежала, не ощущая больше ничего. Не шевелилась и не говорила, даже не плакала. Просто смотрела в небо и ждала: не может же пытка длиться вечно. И она закончи-

лась. Быть может, почти сразу, а может только утром. А девушка всё лежала, раскинувшись на траве, как покойница, и безучастно глядела в небо.

– Ну вот, – самодовольно усмехнулся Бран, затягивая пояс. – А всё туда же: не хочу, не надо! Ты давай это... Вставай и к костру приходи. Посидим. Потом до дома провожу.

К костру той ночью Ива так и не вышла.

И вот они стояли рядом: мать и дочь. Обнявшись и плача каждая о своём. Такие непохожие, такие любящие, но... совсем друг друга не понимающие.

– Я... Пойду. – Ива осторожно высвободилась из объятий.

– Иди, иди, дитятко! – Мать спохватилась, что дела простаивают и снова кинулась к печи. – До вечера ещё столько переделать надобно!

– Да... – Ива погладила запястья, с которых давно сошли синяки. Почему-то казалось, что тёмные пятна проникли под кожу, да там и остались. – Пойду...

Глава 3

Невидь

Ива наскоро сменила грязную рубаху на новую, огромную, грубую, небелёного льна. Можно было подвязать поясом да так и идти со двора – немужним девкам, даже вошедшим в возраст невест, позволялось. Но она всё равно натянула поверх клетчатую понёву. Рубашка, хоть и длинная, открывала ноги почти до самых колен, а Иве страх как не хотелось, чтобы кто-то... чтобы кое-кто увидел и прельстился.

Подхватила острый нож (куда ж без теперь без ножа!), потуже затянула узел на косынке – и бегом из избы.

– Маменька, я Серка в поле сведу... – крикнула она, выбегая из кухни.

В ответ – тишина. Ива шагнула назад: точно же видела тень у печи. Что ж мать не отвечает? Однако в комнатухе никого не оказалось. Почудилось верно... Девушка пожалала плечами и пошла без спросу. Если спохватятся, сами докумекают, куда отправилась. Небось не подумают, что сбежала.

Так и эдак пробуя эту мысль на вкус, Ива минула дом бабки Заи, прошла колодец и замерла у конюшни на краю деревни. Сбежала... Надо же эдакую крамолу в мысли впустить! Отец, небось, за сердце схватится, мать, не ровен час, проклянёт. А соседи что скажут?

Однако ж Ива уже вошла и поглаживала жёсткую кожу седла.

– Ну а что? – спросила она сама у себя. – Ну а что?! – переспросила увереннее, с вызовом.

Верхом она держаться умела. Вспрыгнуть бы на спину жеребчику и... Куда? В большой город? Да не ждёт её там никто. К родне, за реку-Ключинку? Выдадут. Ночью казалось, в омут с головой всего вернее, а сейчас... Куда сейчас-то?!

Ива вздохнула и поплелась к денникам. Почти всех лошадей разобрали на работы, отдыхал сегодня лишь Серок да прихворнувший гнедой старосты. Последний проводил Иву внимательным взглядом, но за угощением не потянулся. Он в последние дни и вовсе не вставал – вконец обессилел. Конюх опасался, что хвороба перекинется на остальных лошадей, жёг крапиву от нечистой силы и обходил стойло с уздечкой на шее, но болезнь всё не отступала.

– Дядька Иго? – окликнула девушка. В тёмном углу кто-то завозился: никак прилёг отдохнуть мужик, а она его потревожила. – Дядька Иго! Я Серка заберу!

В ответ захихикали. Жеребец фыркнул и тоненько заржал, не то подзывая, не то, напротив, прогоняя.

– Ау!

Смех повторился, отозвавшись быстрым топоточком за спиной. Ива оглянулась, но позади никого не оказалось. Свет от распахнутой двери тонул в полумраке, сено шуршало под ногами, и всё казалось, что некто невидимый бродит вокруг, да не показывается.

– Серок! – девушка причмокнула, чтобы хоть собственный голосом отогнать жуть.

– Серок! – причмокнули в ответ из темноты, а жеребчик беспокойно встряхнулся.

– Кто тут? Дядька Иго?

Нет, не дядька. Тот бесшумно ходить не умеет, всё побряхтывает, охает да напевает себе под нос, чтоб не скучать. А может и не для этого вовсе напевает. Может как раз для того, чтобы боязно не было, как Иве сейчас. Девушка робко замурлыкала песенку – авось поможет.

– Кто тут? Дядька Иго? – передразнила в ответ темнота.

Девка запнулась и сбилась с шага. Развернуться бы и порскнуть к выходу, да не тут-то было! Серок испуганно заржал и забил копытами, а Ива, вместо того чтобы выскочить наружу и кликнуть кого из мужчин, подхватила торчащие из сена вилы и бросилась вперёд.

– И-и-и! – просил жеребчик о помощи. – И-и-и! – Рвался наружу, но крепкую дверцу стойла выломить не мог.

Ива промчалась через проход единым махом, готовая, чуть что, напороть обидчика на калёные острия. Поскорее откинула засов и едва успела отскочить в сторону, когда обезумевший жеребец рванул из стойла. Выскочил – и тут же замер, будто слепень его там кусал. Девушка поудобнее перехватила вилы и заглянула в денник.

Наперво она приняла его за клок сена. Но нет. Внутри сидело существо. С небольшую собаку, стоящую на задних ногах, сверху донизу покрытое волосами. Только тоненькие лысые лапки со скрюченными пальцами торчат, да сверкают в темноте, отражая неведомо какой свет, угольки-глазки. Тварь зашипела, вздыбила шерсть, становясь крупнее прежнего.

– Ты ещё кто?! – Наставила на него орудие девушка.

– Ты ещё кто?! – пискляво отвечало нечто.

– Поди прочь!

– Поди прочь! – Глазки налились огнём.

Ива и рада бы последовать совету, да над плечом, недоверчиво обнюхивая, пыхтел обиженный Серок. Кто, как не хозяйка, оборонит его от зла? И Ива решилась. Топнула ногой, сделала угрожающий выпад и заорала:

– А ну брысь отсюда, ты! Ишь чего удумал! Не твой конь! Не моги его трогать!

Нелюдь охнул и согнулся пополам.

– Видит?! Она нас видит?! – изумлённо зашуршал он, уменьшаясь в размерах.

– Конечно вижу! И ударить не побоюсь! А ну пшёл!

Тварь шарахнулась от стали, уцепившись костлявыми пальцами за стену, но Ива изловчилась и подцепила его остриём, сбрасывая вниз. Там, где металл соприкоснулся с мясом, поднялся пар, словно горячим плеснули в снег. Дух завизжал.

– Куда?! На выход, на выход давай! И чтоб больше тебя тут не видала!

– Пусти! Пусти! – причитал нелюдь. – Пусти-и-и-и!

Но Ива снова и снова преграждала ему путь, давя прочь из конюшни, как гной из нарыва.

– Ишь чего удумал! На Серка хворь навести хотел?! Да я тебя!

Серый согласно фыркал, ябедничая, мол, он, он обижал! Гони его в шею!

И девушка, осмелев, гнала! Кто бы сказал ей ещё вчера, что встретит самого колтуна, духа, наводящего порчу на скот, вплетающего в гривы лошадям болезни, тому она плюнула бы на подол. Однако ж не только встретила, но ещё и, не сразу признав, погнала, как сбродливого кота! А теперь, опознав злого духа, отступать уже было некуда. Девушка защищала своё!

И злой дух сдался её напору. Он встал на четвереньки и, петляя, припустил к выходу, подальше от злобной девки, мешающей ему делать работу, испокон веков положенную богами. Он шипел и плевался, и там, куда попадали плевики, покрывались плесенью крепкие доски. Однако ж не совладал, покорился. А Ива, выгнав нечистика, ещё и провела борозду у дверей калёным железом, чтобы не вернулся.

На всякий случай она начертала вилами отвращающий символ у стойла гнедого – одну черту посолонь, вторую противосолонь, но уже сейчас видела, что конь заметно повеселел. Теперь уж поправится.

И только после этого Ива сползла по стеночке вниз, утёрла холодный пот, бегущий по вискам, и засмеялась как умалишённая. Поверит ли кто, если рассказать, али посоветуют меньше подставлять темя полуденному солнцу? Не поверят... Значит, не следует и говорить. Разве что старой бабке, давно переставшей чему-то удивляться.

Ива с трудом поднялась и похлопала Серка по шее. Вывести бы его в поле, оставить пасти да воротиться домой помогать матери. Но вместо этого девушка оттолкнулась от приоткрытой дверцы, ухватила за нечувствительную гриву на холке, походя нащупав заплетённые нечистиком косы, и вспрыгнула на спину жеребца. Сжала пятками бока и прямо так, без седла,

поскакала. Увидит кто, как она, бесстыдно задрал юбку, носится на Серке по полям, – засмеют. Но Иве было уже не до того.

Когда ужас выветрился из буйной головы, а жеребчик сам перешёл на шаг, Ива поняла, что, случайно или нет, вновь оказалась у леса. Она спрыгнула наземь и отправила пастись понятливого Серка. Сама же замерла на опушке, вглядываясь в деревья.

Лес едва слышно перешёптывался. О ней ли? Или вековым соснам да молодой поросли орешника не было никакого дела до растерянной девушки, накликавшей на себя беду?

– Здесь ли ты? – негромко спросила она.

Но, был ли Хозяин болота рядом, не был ли, а ответить не пожелал.

– Ты здесь?! – повторила Ива громче. Губы затряслись, грудь сжалась, точно воздуха перестало хватать. – Где ты?! Где?! Что сделал со мною?!

Ива до крови закусил губы, чтобы не расплакаться от бессилья. Никто-то её не слышит! Ни мать, ни отец, ни даже сам Хозяин, к которому её пригнало отчаяние.

– Не смей молчать, слышишь! Я здесь! Здесь я!

Она требовательно топнула.

– Ах так?!

Ива, не разбирая дороги, бросилась вперёд. Не впервой ей бегать по этому лесу, с детства здесь собирала грибы-ягоды. Небось не заблудится!

Заросли хватали её за рубаху: куда несёшься, глупая? Но девушка не останавливалась. Это прошлой ночью она брела сюда чуть живая, уверенная, что идёт за гибелью. Теперь-то ей всё стало ясно: Хозяин болота насмехается над ней! Отметил так, что живность шарахается, повесил на её плечи проклятие! Что ж теперь, ей видеть злых духов, бродящих по свету, покуда умом не тронется? Или покуда добрые люди не начнут обходить её стороной?

А если... Ива аж замерла на месте, ошарашенная догадкой. Если и нет злых духов? И Хозяина тоже не было. И болота. Что если она попросту тронулась рассудком от горя? И как же это? Кто скажет – верно или нет?

Девушка огляделась. Лес как лес. Деревья качаются, иголки, нападавшие с крон, колят босые ступни, белки перещёлкиваются в вышине, обсуждая последние новости, да дятел спрятался за стволом, думая, что прищелица его не видит. Хитрый лесовик под кустом не прятался, мавки хоромы не водили, кикимора в топь не заманивала.

Только...

– Ты поглянь! И куды ж ето яна, босоногая? Няужто в трясины?

Ива медленно-медленно обернулась на голос. По левую руку, на поваленном стволе, сидел низкорослый дедко. Дедко был кряжист, что деревце, а тёмная, будто бы покрытая струпами, кожа напоминала кору. Прямо из головы же у него, из лысоватой макушки, росло семейство мухоморов. Рядом с ним чесал за ухом длинной лапой зверёк, похожий на зайца, каким его нарисовал бы неумелый ребёнок. Да только лицо у зайца было человеческое.

– Заплутала може? – зевнул зверёк, выкусывая что-то меж мохнатых серых пальцев.

Ива посмотрела на них и рассмеялась: ну теперь-то всё ясно! Ну конечно же она тронулась умом!

– И, дык яна на нас смотреть, а?! – Старик ударил себя по колену и любопытно наклонился вперёд. – И, унуча? Видишь, не?

– Размечтался, старый пень! – фыркнул зверёк.

А Ива ответила:

– Ну конечно же! Конечно же, я вас не вижу!

И, боле не сбавляя шагу, пошла к болоту.

Что ждёт её там? Спокойная водная гладь, в которой никогда и не водилось чудовищ? Или, напротив, монстры, готовые утащить в топи дурёху, которой однажды повезло выбраться живой?

Лучше бы ей вовсе обходить лес по большой дуге, не высовываться из деревни... Но... Что-то тянуло Иву в глушь. словно возлюбленный напевал песню под окном, выманивая зазнобу во двор.

– Где ты, милый? Здесь ли? – ласково пропела она, как и подобает невесте звать жениха. – Ждёшь ли?

Но, когда взору открылось болото, слова так и застряли в горле. Мох хрустел под пятками и холодил ноги. Не бывает такого в середине лета, не должно! Даже самая чаща, всегда сберегающая прохладу, не веет зимней стужей, когда воздух прогрет солнцем! Однако ж веяла. Мох серебрился от инея, по хилым сухим деревьям карабкалась белоснежная плесень, а сама чёрная гладь была покрыта коркой льда. Ива припала на колени, заглядывая в темноту.

Темнота глядела на неё сквозь тонкую границу морози – проломит, и думать нечего, проломит. И схватит тогда чёрными пальцами да утащит на глубину. А какова она – глубина болота? Есть ли у него вовсе дно или вместо него сразу начинается *тот* свет?

Но вместо того чтобы шарахнуться от топей, Ива наклонилась над гладью низко-низко. Так, что могла разглядеть очертания собственного отражения.

– Я не боюсь тебя, слышишь? – прошептала она робко.

О, Ива боялась! Ещё как боялась! Локти дрожали не от озноба, нет – они дрожали от ужаса! Но девица продолжила говорить:

– Ты не забрал меня, когда я пришла. Не взял в невесты, когда умоляла, выгнал из лесу! Так чего ты хочешь от меня теперь?! Почему не берёшь, но и не отпускаешь?!

Отражение вторило ей глухим отчаянием. Оно, тонущее в стылой воде, тоже не знало ответа.

От жаркого дыхания корка льда стала совсем прозрачной. Казалось, что настоящая Ива не сидит на берегу, склонившись над болотом, а рвётся из густой непроницаемой жижи наружу, да всё никак не может выбраться.

Девушка потёрла сухие глаза, сорвала с головы платок... Зелёная прядь упала на лоб; точно такая же перечеркнула яркой полосой бледное лицо отражения.

– Ах так? Молчишь значит?!

Рассвирепев, девица выхватила из маленьких ножен у пояса нож, натянула прядь и принялась пилить. Лезвие, годящееся для крепких боровиков, соскальзывало, волосы больно натягивались, но Ива пилила и пилила, пока не срезала погань.

– На! – Она ударила кулаком, проламывая корку льда, и кинула прядь в воду. – Вот тебе твоя метка! Не желаю носить! Не невеста я тебе боле!

Локону полагалось бы замереть на поверхности, но тот сразу пошёл ко дну, словно кто-то невидимый утащил.

Когда же вода успокоилась, а Ива снова увидела своё отражение, за её плечом угадывался силуэт Хозяина.

Она зажала рот ладонью: всё одно крик не поможет. Быть может, это шутка неверного лесного света, предавшего обычному дереву форму, схожую с человеческим телом. Или видение, нарисованное испугом.

Не может же Хозяин болота в самом деле стоять позади и едко улыбаться!

Ива поднялась с колен, не отводя взгляда от отражения.

– Здравствуй...

Резко обернулась. И, собрав остатки мужества, низко поклонилась.

– Здравствуй, милостивый Господин.

Не почудилось. Теперь-то стало ясно, что не почудилось. Хозяин болота стоял прямо перед ней, такой же, как вчера ночью. С бледного тела его стекали густые чёрные капли, и без того тёмные волосы продолжались вязкой смоляной жижей. Он весь будто поглощал свет, как омут. И лишь сияли глаза, зелёные, как болотная тина.

В ответ он недобро рассмеялся:

– Здравствую, как видишь.

Он поднял руку, и Ива не закрылась локтем да не закричала потому лишь, что оцепенела от страха. На палец была намотана зелёная прядь.

– Так-то ты ценишь мои подарки, дорогая невеста.

– Я... – горло перехватило от ужаса. – Я не невеста тебе...

Угловое лицо пришло в движение – Хозяин поднял брови.

– Разве ты не сама пришла ко мне?

– А ты меня прогнал.

Узкие губы искривила нехорошая ухмылка.

– Лишь отправил домой. Готовиться.

Он не шагнул – перетёк к ней единым движением, недоступным человеку. Замер в пальце от её сведённого страхом тела. Ласково-ласково погладил по щеке, оставляя на коже чёрную полосу. А потом склонился к уху и прошептал:

– Я приду за тобой, дорогая невеста. Приду. И тогда помоги вам всем боги.

Холодная как лёд щека Хозяина обожгла её – горячую и нежную. Ладонь скользнула по плечу, будто бы оставляя клеймо. Хозяин болота усмехнулся и раскрыл объятия, а Ива, не выдержав, завизжала, попятилась, запнулась и упала навзничь.

Брызги и осколки льда смешались воедино, проморозили насквозь пока ещё пышущее жизнью тело, а вязкое и чёрное, в которое обратился Хозяин, обхватило её со всех сторон, обволакивая, словно бы надеясь проникнуть внутрь.

А потом пропало так же быстро, как и явилось. Смоляная муть смешалась с водой болота, и снова всё стихло. И только промокшая девушка, с трудом выбравшаяся на сухое, стояла на четвереньках и всё не могла отдышаться.

Глава 4

Жених

В Клюквинках – деревне, спрятанной лесами от больших селений, чтит традиции. Да так рьяно, что гости нарочно приезжали, чтобы поучаствовать в праздниках, которые забыли в иных местах. Шумное веселье, как на урожайную ночь или на встрече осени, случалось нередко, вот и выходило, что заезжему человеку никто не дивился.

Однако ж бывали и торжества, на которых чужакам не радовались. Не погнали бы, конечно, кабы явился, но и звать нарочно не стали б. Таким торжеством, наперво, считалось сватовство. Как же иначе? С этого дня и до самой свадьбы невеста как бы находилась меж двумя мирами: уже умирала для родной семьи, но ещё не возрождалась для новой. Когда, если не сейчас, ей становится видимой для всякой нечисти? А значит незачем напрасно подвергать девицу опасности и видаться с пришельцами. Да и самой лучше не трогать снесь и благодетельницу дома – печь, чтобы не заразить скверной очаг.

В стародавние времена сговорённую девку и вовсе заперли бы в бане и подвергли строгому посту, но ныне всё ж времена другие. Поэтому строго соблюдать правило полагалось лишь в день приезда сватов да на женитьбу.

Потому-то Ива маялась от безделия всю вторую половину дня: снесь касаться нельзя – ни поесть, ни сготовить, общаться с теми, кто переступил порог дома, запрещено, да и самой выходить не следовало, если по-хорошему. За то, что самовольно отправилась вывести Серка, девушка уже получила нагоняй от отца.

– Детонька, ты как тут? – Заглянувшая в светёлку мать обеспокоенно покачала головой. – Да ну что ж ты убиваешься?!

Ива сидела на кровати прямо, сложив ладони на коленях, и неотрывно смотрела в угол, где сидел, вылизывая бок, большой чёрный кот. Она не плакала и не жаловалась на тяжкую долю, да только мать не обманешь: и без того понимала, что с кровиночкой что-то неладно.

– Я вот тебе пряничка принесла. Отцу только не говори, он велел пост блюсти.

Лелея сунула сладость дочери, но та так и не отвела взгляда от тёмного угла, где стояла чашка с молоком для домового.

– Спасибо, матушка...

– Тяжко тут одной? – Женщина присела рядом, погладила дочь по запястью. – Ну да ничего, потерпи маленечко. Скоро позову блинцы печь, а к закату сваты явятся. Недолго скучать осталось.

Руки девушки дрогнули.

К закату. Недолго осталось...

Блинцы – главное угощение для сватов – печь полагалось названной невесте. И это был последний раз, когда сговорённой со двора девке позволялось касаться печи. Вот вынесет стопку румяных солнышек, предложит с поклоном жениху, – считай, что и состоялось обручение.

Ива бы то блюдо с блинцами Брану на голову надела да ухватом бы добавила...

Мать обнимала младшую любимицу, сама растравливая себе душу:

– На кого же ты меня, деточка, покидаешь? Как же я без тебя? Совсем взрослая стала, а ведь, кажись, вчера токмо голышом по огороду бегала... Ну да ничего, не абы кому отдаём! Бран парень хороший, убережёт да защитит. Небось и старую тещу уважит, не отвратит от дома...

Ива открыла было рот... да так и закрыла его.

Женщина утирала слёзы и охала, но девушка видела: гордится. Радуется, что семья в достатке, что не приходится неволивать дочь, сговаривая за богатого старика. И правда, не абы за кого отдают – за молодца, который вот уже два года к ним как родной ходит, с которым дочь миловалась да в избу возвращалась под утро румяная и счастливая. Передать дочь любимому – это ли не счастье для матери?

И Ива смолчала. Вновь не нашла в себе сил сказать то, что таила с самой урожайной ночи.

Лелея постенала для виду ещё немного, но дела не ждут – стоило уважить не только жениха с друзьями, но и соседей, что обязательно вечером явятся поглазеть. Большой праздничный пирог в печи уже почти поспел, ни в коем случае нельзя было дать ему подгореть! Лелея деловито подхватила, чмокнула девицу в щёку.

– Матушка?

Ива вроде и повернула голову, однако ж взгляда от пустого угла так и не отвела.

– Что, дитенько?

– А мы когда кота завели?

– Тьфу на тебя, глупая! – рассмеялась женщина. – С прошлого месяца, когда Рыжего лиса порвала, кота у нас нет!

– Верно, – Ива улыбнулась дурной улыбкой. – Верно, почудилось...

Мать погрозила сказочнице пальцем и вышла. Кот в углу для домового потянулся и совсем по-человечески подмигнул молодой невесте.

По-хорошему, с полудня и до заката Иве и вовсе бы из избы не выходить. Ну так и что ж теперь, даже до задка не сбегать? Вот только возвращаясь обратно девица пожалела, что пренебрегла заветами предков и выскочила из-под крова.

– Ну что, заждалась?

Он стоял во дворе, небрежно облокотившись о забор. И лучше бы это был Хозяин болота.

– Уходи, Бран, – процедила Ива сквозь зубы.

Присел на корточки и потрепал за ухом щенка-подростка, носящегося по грядкам. Тот доверчиво лънул к парню – свой же, не раз и не два впускали, от него беды не жди! Потому щенок и не залаял, оповещая хозяев, что явился чужак. Для него-то, несмышлёного, Бран чужаком не был. Как и для Ивы когда-то.

Кузнец поднял на невесту обиженный взгляд. В голубых, ровно васильки в поле, глазах мелькнула обида, и сердце её всё ж сжалось. Быть может, вправду Ива виновна в содеянном? Хмельной праздник многое позволяет молодёжи. А пригубив ягодного вина, девица и вовсе забылась. Ну как кузнец лишь творил то, о чём она сама его просила?

Не он ли многожды обнимал её сильными руками – запястье не сразу пальцами обхватишь? Не он ли клал ей на колени буйную голову? Не его ли льняные кудри Ива перебирала? Сама! Никто не неволил!

– Ивушка, ты что это? Ни словом со мной не перемолвилась с самой урожайной ночи. Неужто обиделась?

Он осклабился, показав крупные зубы, всколыхнув в памяти ту страшную ночь. Ива оцепенела.

Неужто обиделась? И правда, с чего бы?

– Пошёл вон! – велела девушка, жалея, что под рукой нет вил, чтобы выгнать мерзавца как давешнего нечистика.

Однако решительность развеялась в тот же миг, как Бран поднялся и шагнул к ней. Ноги снова занемели от ужаса, внизу живота свело до сих пор не забытой болью. Ива бездумно прижала ладони к чреву, защищаясь. Бран истолковал жест по-своему.

– Соскучилась поди?

Он резко подался вперёд, хватая девушку за предплечье. Та забилась, но, как ни старалась, не могла выдавить из горла крик о помощи, будто бы кто-то ей рот заткнул. Ей ли не знать: кричи-не кричи, никто не явится, не спасёт...

А Бран одним движением намотал её косу на здоровенный кулак, заставив опрокинуть назад голову, прижал к себе, напоминая о страшном.

– Потерпи, любушка! Скоро моя станешь!

Шершавые обветренные губы коснулись шеи, и Иве помстилось – прокусит, ровно хорь курице. А и лучше бы прокусил, хоть мучиться недолго!

Ей казалось, что кричит, на деле же девушка едва слышно шептала:

– Пусти! Пусти, Бран! Пожалуйста... Я не хочу!

Здоровенная лапища стиснула выпуклость под понёвой.

– Что ж это не хочешь? Ещё как хочешь! – добродушно хохотнул молодец. – Мне всяко виднее.

– Пожалуйста, пожалуйста...

Воровато оглядевшись, Бран ловко распустил ворот на её рубаше и запустил в него завидую ручищу, пощупал, больно дёрнул.

– Тише, любя моя, тише! Не то услышит кто!

Ива и рада бы завизжать и позвать на помощь, да снова памятью вернулась в страшную ночь. Снова стояла недвижимая, как покойница, и не могла... не в силах была оттолкнуть мужчину. Только всё шептала, умоляя его остановиться.

Распалившись, Бран потянул её за сарай, в тёмный угол. Там, меж забором и стеной, зарослями малины, никто их не разглядит. Что сделает там с нею? Задерёт подол, не дождавшись права мужа?

– Сейчас, любонька, сейчас! Не в силах уже терпеть! – хрипел он, подталкивая её к укрытию.

А не лучше ли покориться? Ива безучастно смотрела на приближающуюся тень и всё думала: если закрыть глаза, может и правда стерпится? Иным девкам куда меньше с женихами везёт. Ей, невзрачной хилой дурёхе, первый красавец достался, так что ж она упирается? Если просто не смотреть... Если покориться...

Кузнец больно вжал её щекой в стену, заломил, думая, верно, что обнимает, сунул руку под понёву... Ива смотрела на сторону пустыми глазами. Не просыхающая в самую жару чёрная лужа под стрехой сверкала зеленью. Нужно просто смотреть на неё, не отвлекаться, пока всё не кончится. Покориться. Не думать. Всё одно никто не поможет – кричи-не кричи. Покориться...

Чёрная лужа шелохнулась, словно подул сильный ветер. Застоялая вода потянулась к ней, как живая. В чёрной глади на мгновение ока проступило лицо...

Иву ровно ледяной водой окатили, смывая оцепенение. Она мотнула головой назад, и кузнец взвыл, зажимая рассаженный затылком нос.

– Ты чего?!

– Я сказала пусти! – негромко, но твёрдо велела девушка.

Она отскочила от него резвой козой, оказавшись на свету, готовая, чуть что, броситься наутёк.

– Что тогда не хотела, молила не трогать, что сейчас! Не люб ты мне боле!

Бран запрокинул голову, чтобы остановить кровь, и махнул на неё рукой.

– Бабы! – легкомысленно фыркнул он. – То одно вам, то другое. Потому замуж и надо поскорее, сами-то знать не знаете, чего хотите!

– Зато я знаю, чего не хочу! Тебя не хочу! Ни в мужья, ни видеть хоть когда-нибудь!

– Уймись, дура! Тебя уже сговорили! Вечеру приду, чтоб не городила ерунды этой! Ишь! Не люб я ей! Небось в урожайную ночь диво как люб был!

Ива задохнулась от возмущения.

– Да я молила меня не неволить! Упрашивала пустить! Ты... Ты... – Взгляд снова упал на чёрную лужу за спиной кузнеца. Ива с самим Хозяином болота спорила! Неужто убоится этого... Сильного, страшного, но всего лишь человека?! Она собралась с духом и выплюнула то, что даже в мыслях произнести страшилась: – Ты меня силой взял!

Слова, такие важные и жуткие для неё самой, кузнецу оказались что горох об стену.

– Тьфу! Выдумала тоже! «Силой»! Да ты сама хотела! Значит, слушай. – Он вышел к ней, небрежно утёр кровь с лица. Некогда милый красавец превратился в самодовольного и жёсткого. – Приду со сватами, чтоб рот на замке держала, ясно? Тоже мне, удумала! Сама хотела, а теперь на доброго человека напаслину возводит! А ну как поверит кто бабским бредням? Я ж стыда не оберусь! Да и ты, наперво, тоже! Кому ты, силой взятая, нужна будешь, окромя меня? Так что не дури. Сказал, замуж возьму, значит, возьму.

– Да я... – Взгляд снова метнулся к чёрной луже. Всё казалось, что кто-то слушает разговор, ловит каждое слово и уж своей выгоды не упустит. И Ива поверила: не одна я здесь! Заступник рядом! Может, лишь потому она решилась и твёрдо ответила:

– Да я лучше за Хозяина болота выйду, чем за тебя!

Глава 5

Сваты

Одно дело – крикнуть в сердцах, совсем другое – следовать обещанию.

Для матери и отца Ива уже успела подобрать все слова, какие могли убедить упрямцев, да всё одно осталась с носом. Что ещё сказать родичам, которые праздничное угощение приготавливали да двор украсили кислицей, оберегающей счастье влюблённых?

Уж и соседи начали собираться и потихоньку повязывать в волосы цветные ленты, и стол, выскобленный нарочно для сегодняшнего дня, вынесли на улицу да покрыли скатертью. Лелея с супругом хитро переглядывались и всё шептались, хихикая и косясь на окно, выходящее из светлицы дочери.

Отец ходил гордый, вразвалочку: последнее дитё из дому стоворил, да как удачно! Не абы за кого, а за мастеровитого кузнеца, к которому нарочно приезжают из соседних деревень! Даже братья Бойко и Ранко приехали, хоть и не ждали их раньше свадьбы. И тоже держались гоголями, будто это их заслуга, что к сестре сватаются.

Ива смотрела из окна на собирающихся людей и всё больше страшилась. Как выйти к матери, как высказать, что на сердце?

Раньше бы решилась, нашла в себе силы сознаться... А теперь что? Позорить родичей перед всеми Клюквинками? Признать, что не только свою честь не сберегла, но и священное празднование урожайной ночи насилием оскорбила? Решительность развеялась как сон.

Ива бессильно присела перед большим, до самого пояса отражает, зеркалом – отцовский подарок на сватовство. Резная рама заключила в ловушку бледную девушку с болезненно-алыми горячечными губами. Невеста провела было гребнем по волосам, прихорашиваясь, но вдруг с таким отвращением отбросила, точно это он повинен в бедах. Не глядя, нахлобучила куколь, закрывающий не только голову, но и спину с грудью – показать скромность наречённой.

– Лучше за Хозяина болота, чем за него, – горько повторила она.

Когда Ива вышла в кухню, мать расплакалась.

– Доченька!

Она поцеловала любимицу в лоб и глаза, как принято целовать тех, кто ушёл за Огненные врата. Эти поцелуи должны были убедить домашних духов: не по своей воле вас бросает молодая хозяйка, *тот* свет её призвал. А опосля, когда состоится свадьба, в доме нового мужа девице предстоит наново появиться на свет: принять пищу из руки старшей в роду. Дескать, принимайте, добрые духи нового члена семьи!

Ива не сумела увернуться ни от поцелуев, ни от всунутой плошки с румяными блинами.

– Матушка! – несмело начала она, но на плечо легла тяжёлая отцовская длань.

Отец был строг с ней. Быть может, и чрезмерно. Ну а как иначе, когда младшая дочка родилась болезненной да такой на него непохожей? Нужно оберегать: строго отчитывать, когда поздно является с гулянок, лупить, если поймали на урезине. Отцовская любовь – она такая. Неказистая, но крепкая.

– Ты... это... – Креп был, хоть и немолод, но хорош собой. Иной раз его принимали за брата двоих сыновей, а не за отца. И никто никогда не видел, чтобы он давал слабину: пускал слезу над посмертным ложем родни или поминал недобрым словом богов, допустивших, чтобы молоток соскочил по ногтю. Он украдкой вытер рукавом глаза и, глядя в сторону, напутствовал: – Не посрами в общем.

И подтолкнул Иву к выходу, где уже собралась толпа соседей.

– Матушка! – рванулась Ива из последних сил.
– Потом, всё потом! – засуетилась та. – Успеется!

Видали Клюквинки невест куда краше. Статных да толстых, не чета Иве; ступающих лебёдушками; кровь с молоком.

Однако ж все взгляды обратились к девице, вышедшей за порог. В синем сарафане без вышивки – ведь той, кто покидает род, носить знаки отличия незачем, растерянной, упрямо поджавшей губы. Пальцы невесты, сжимающие плоску с блинами, побелели от натуги.

Все собрались, будто раньше сватовства не видали. Стояли родители Брана – строгая загорелая Прина с добродушным Лугом. Они цепко рассматривали Иву, тихонько переговариваясь, и девушка сбилась с шага под их оценивающими взглядами. Ясно, любящие родичи считали, что худая девка, пусть и из доброй семьи, их сыну не пара. Однако ж не встречали. Стоял вдовец-староста рядом с двумя помощниками набольшими. Ему уже поднесли чарку с водкой, так что Нор сыпал прибаутками и подначивал гостей спеть свадебную, в подробностях расписывающую рекомендации молодым на первую совместную ночь. Пришла даже слепая бабка Алия, отселившаяся от родни в избу у леса. Ей Ива и впрямь обрадовалась. Незрячие очи будто бы лучились понимающим теплом. Быть может, только благодаря этому невеста сумела вскинуть подбородок и спуститься во двор.

Собравшийся люд расступился, образовав проход между нею и Браном, ожидающим покамест за калиткой. Поклонится девица, приглашая его в дом, – войдёт. А с ним и друзья-побратимы, замершие за плечами.

Лелея и Креп подглядывали в щёлочку у двери. Им не позволялось выходить к гостям, покауда жених с невестой не обручатся. А дождавшись, как заведено, нужно выскочить да начать браниться, мол, не отпустим кровиночку!

Ива стиснула зубы и в упор посмотрела на Брана. Тот приосанился: хорош ли?

Он был хорош! В красных сапогах, нарядной косоворотке. Рукава рубахи едва не лопались на напряжённых мускулах, которые он, рисуясь, демонстрировал бабам. Всем угодил жених – залюбуешься! Любая девка рада бы с таким об руку пойти. Любая – да не Ива.

Порыв ветра откуда ни возьмись принёс болотный плесневелый дух, и Ива решилась.

Она начала говорить тихо, но с каждым словом голос креп и звучал всё звонче, да и люд после услышанного притих, перестал шептаться.

– Добрые люди! – Ива поклонилась не жениху, как подобает, а гостям – на две стороны. – С малых лет вы знаете меня. Многие из вас баловали угощением, а кто-то и гонял хворостиной. Но никто не скажет, будто я солгала или обидела кого.

Дверь избы распахнулась во всю ширину. Мать и отец, уже не скрываясь, внимали и всё не могли понять, к чему ведёт дочь, почему нарушила порядок сватовства.

– Доченька, не так! С женихом, с женихом поздоровайся! – робко подсказала Лелея.

Ива зажмурилась, удерживая подступившие слёзы.

– Матушка, батюшка! Разве не была я вам послушной дочерью? Ну так дайте слово молвить, не перечьте.

Креп хмуро скрестил руки на груди.

– Ну молви, – ровно проговорил он, не выказывая беспокойства: чего только эти девки не учудят!

Невеста облизала пересохшие губы. Молви. Или промолчи да выходи замуж за нелюбимого.

В тишине Ива с трудом распрямила пальцы, выпуская из рук плоску с блинами. Та глухо стукнулась о землю и раскололась надвое, стопка с угощением же лишь слегка покосилась.

– Тот, кто пришёл сегодня женихом, должен уйти ни с чем. – Соседи ахнули, не то испугавшись брошенной ритуальной снеди, не то слов нахальной девицы.

Смекнув, к чему клонит невеста, Бран вспыхнул румянцем.

– Молчи, дура! – выкрикнул он и самовольно вошёл во двор. Единым махом преодолел тропинку и потянулся к Иве, но тем самым лишь добавил ей смелости.

«Бежать или защищаться, но уж никак не столбом стоять», – решила про себя девушка и наставила на жениха перст.

– Он взял меня силой в урожайную ночь!

Луг вскрикнул, а Прина протолкалась через соседей: убью за сына!

– Что несёшь, девка?! – гаркнула она, готовая отгаскать наговорщицу за волосы.

Спасенье пришло откуда не ждали: Креп прыгнул со ступеней и перехватил несостоявшуюся сватью.

Ива задавила судорожный всхлип. Поздно отступать.

– Мы впускали его под кров другом и ведать не ведали, чем Бран оплатит за доброту. – Ива прикрыла очи, чтобы не видеть лиц – ошеломлённых, осуждающих, насмешливых. – А он оскорбил не только моих мать и отца, почитающих его за сына, но и саму Мать-Землю, чьё плодородие славилась урожайная ночь. Я не стану ему женою. И приму на себя позор, дабы ни одна другая девка не стала.

Бран кинулся вперёд, точно мог поймать да спрятать отзвучавшее обвинение.

– Клевета! Враньё!

Кто-то из гостей согласно закивал: эка невидаль! Девка от волнения всякую ерунду несёт! Одумается!

– Боги мне свидетели! – Невеста подняла к небу раскрытую ладонь, призывая в заступники Отца-Небо, блюстителя правды.

А Бран, вдруг успокоившись, повторил её жест:

– Небом клянусь, она на меня вешалась! Миловались в урожайную ночь. Было. – Парни, явившиеся с Браном, засмеялись, показывая зубы – все знают, чем молодёжь той ночью тешилась. – Но чтоб силой?! Помилуйте! Вы все знаете меня, добрые люди! Разве я кого обижал?!

И добрые люди, подумав, согласились. Не было в Клюквинках того, кому умелый кузнец не подковал лошадь или отказал в посильной помощи. Все хоть малость, а были ему обязаны. Да и как признать его вину? Ежели навет обернётся правдой, парня придётся с позором гнать. А что за деревня без кузнеца?

Ива вжала голову в плечи. Страшное признание, которое она не могла вытолкнуть из груди все эти дни, развеялось пылью по ветру. Никому дела не было... И что куда хуже: никто не верил.

– Он... Честью клянусь! – пискнула девушка, но вызвала лишь ехидный смех явившихся баб.

– Чем-чем? А ничего не попутала?

– Что ж молчала раньше?

– Как докажешь?

Почувяв, что приготовившийся к пирушке народ на его стороне, Бран приободрился.

– Я не держу на тебя зла, любя моя! – с притворной нежностью проговорил он. – Верно волнуешься, страшишься. К чему? Прими меня в женихи да не сердчай, что из рода забираю. Буду тебя холить и лелеять... Буду, – он понизил голос, но всё равно каждый, кто хотел, услышал: – ночами любить.

Невеста содрогнулась от отвращения.

– Да я лучше за Хозяина болота выйду, чем за тебя!

Бран в ответ... расхохотался, и смех подхватили многие из пришедших.

– Удумала, тоже! Да нужна ты ему!

– Ишь, невеста выискалась!

– А за Отца-Небо что ж сразу не захотела?

– Такую тощую и леший не возьмёт!

Мать стояла рядом как в воду опущенная. Ясно: дочь принесла позор в семью. Теперь не отмоешься. Ждут её пересуды да сплетни. И как защититься, когда вся деревня единым махом признала девицу лгуньей?

Ива и спорить не стала. Она подняла руку и стянула с головы куколь – зелёные густые пряди потекли по плечам рыской.

Ива подняла пустой равнодушный взгляд на свидетелей сватовства и произнесла:

– Уже взял. Ныне я невеста Хозяина болота.

Им бы согласно охнуть, но над толпой повисло безмолвие, какое случается только на мёртвых болотах. Окрепший голос зазвенел в тишине – теперь-то Иве терять нечего!

– Я один раз молвила правду, не солгала и вдругорядь. Не бывать мне женой насильника. Староста, – она обратилась к Нору, – рассуди. Назначь Брану справедливое наказание!

Старик судорожно пригладил бороду и ощупью потянулся за чаркой с брагой. Все знали: любимого гнедого Нора, не дающегося в руки никому, кроме хозяина, только Бран и мог подковать. И он же ставил крепкие замки в доме старосты. Как с таким ссориться? Пока судья цедил сквозь зубы водку, Бран решил вставить слово. Не дело отмалчиваться, когда твоя судьба решается!

– Ты бы ещё водой поклялась, дура! Никогда не бывало, чтобы в Клюквинках кого-то неволили! А тут – на тебе! – выискалась! Первая красавица никак?

Кузнец и не понял, что ляпнул. Водой клялись разве что очень, очень давно. Ныне никто уж не прибегал к божественному суду. Разве что в спорах иной мог упомянуть, мол, хоть водой поручусь! Да не всерьёз, конечно, а как последнее средство. Дескать, чем хочешь меня пытай!

А всё потому, что божественный суд жесток. Не раз и не два живым из него выходил только правый. Ан не забылся, остался в памяти. Где-то в сараях, если поискать, может и клетушки, нарочно для этого сколоченные, нашлись бы.

А что делать девке, не доискавшейся справедливого людского суда? Если из-за её глупости, из-за гордости, страдать придётся всему роду?

Ива произнесла сначала тихо, а там повторила так, чтобы все слышали:

– Может и поклянусь... Ты, кузнец Бран! Слушай же! И вы, добрые люди! Коли нечем мне доказать вам свою правду, коли никто не желает верить, а виновник не сознаётся в содеянном... Я призываю в свидетели богов! Я вызываю Брана на суд водою!

Потом сплетничали, что Лелея упала замертво от пережитого бесчестия. На деле же женщина лишь схватила за сердце и осела наземь. Креп же, выпустив наконец мать кузнеца, замахнулся на дочь: вбить в глотку безрассудные слова. Да так и опустил руку. Что уж теперь? Сказанного не воротишь.

Бран побелел.

– Ты что это?

Ива не ответила. Она уж сказала всё, что хотела. Не засмеяли бы только, не решили, что девичья блажь толкнула её на страшную клятву.

– Отступись! – прошипел кузнец.

Ива покачала головой.

– Одумайся, дура! Не выйдешь сухой!

«Не выйдешь сухой» – все знали, что это значит. Ныне так посмеиваются над теми, кто измарался в каком-то деле, опалил хвост на непосильной задаче. Но старухи помнили: раньше так сказывали про тех, кто не вернулся с божьего суда живым.

И Ива понимала: правда. Куда ей под воду против здорового широкогрудого парня? Ей, и плавать-то толком не умеющей, куда нырять?! Бран же рассекал воду, точно в ней и родился. И обходился без воздуха дольше, чем кто-то другой. Но разве может божий суд допустить, чтобы лгун победил?

К тому же... Улыбка Ивы стала жуткой, как улыбка покойницы. Даже если она не выживет, бесчестье с семьи смоет. Никто не осмелится сказать Лелее и Крепу, что дочь оклеветала ни в чём не повинного парня.

– Ты супротив меня не выстоишь! – уверенно заявил кузнец.

– Боги помогут, – покорно отвечала девица.

– Ну и как хочешь! Раз свет белый надоел... Я принимаю суд!

И тогда прозвучал незнакомый голос. Мужчина стоял у калитки спокойно, будто бы с самого начала наблюдал за сватовством. И от него веяло холодом.

– Я гляжу, в вашей деревне принято выставлять супротив богатырей несмышлёных девок?

Он огляделся, ни на ком не задерживая ледяного взгляда, и двинулся по тропинке к Иве. Никто не окликнул его, не поймал за рукав.

Пришелец неодобрительно поцокал языком и небрежным жестом приказал Брану убраться с дороги. Тот послушался, не сразу поняв, почему. Позже ни кузнец, ни его приятели нипочём не сознались бы, что от чужака веяло такой жутью, что спорить с ним поистине не хотелось.

Мужчина наклонился к ногам Ивы, не отводя от неё зелёных глаз, и аккуратно снял с лежащей на земле стопки верхний блин. Скатал в трубку и надкусил.

Он был страшен, этот чужак. Был ли он красив? Наверяд. Крупные черты лица, широкий рот и узкие губы, искривлённые в усмешке, крючковатый сгорбленный нос, торчащие во все стороны колючие волосы, будто бы измазанные углём. Он походил на нахального грача, хозяином прохаживающегося по вспаханному полю. Но каждое движение его, каждый жест – излом ли брови, длинные пальцы, утирающие масло из уголка рта – всё говорило... кричало: я лучше вас.

– Ну так что же? В ваших краях только девок водой пытаются или не побоитесь выступить против кого посильнее?

Он обвёл взглядом гостей, и никто не решился ответить. Взгляд остановился на кузнеце.

– Помнят ли у вас обычаи?

– Помнят... – нехотя кивнул тот.

– Чтят ли?

– Чтят.

– А помнят ли, что вместо истца на суде может выступить любой, кто поручится за него жизнью? Ты, староста! – Он не глядя ткнул пальцем в старика, и тот поперхнулся надкушенным пирогом. – Истину ли говорю?

Нор поспешно закивал, жестами показывая, чтобы ему постучали по спине.

Чужак сильнее прежнего поджал узкие губы, и ни от кого не укрылось то, что сделал он это брезгливо.

Он повернулся к Иве и насмешливо склонил голову.

– Тогда, девица, принимай поручителя. Согласна ли ты, чтобы я прошёл суд воды вместо тебя?

Сказал бы кто – не поверила. Но он стоял прямо перед ней, среди обычных живых людей. Чёрная вязкая жижа не стекала с его тела, а болотный смрад не следовал по пятам. Но глаза были всё те же – глаза Хозяина болота.

Она отказала бы. Сама накликала беду – сама и отвечай. Но знакомец растянул в улыбке узкие губы и спорить сразу расхотелось.

– Я принимаю твой дар, чужой человек, – с трудом выговорила Ива. – Будь моим заступником.

Чужак развернулся на пятках и первым вышел за калитку. Стоило ему покинуть двор, сборище восторженно загудело. Они явились на сватовство, но нашлось развлечение куда весе-

лее! Люди вереницей потянулись к реке, туда же, куда ушёл заступник. И никто не докумекал, что дорогу чужаку никто не показывал.

Когда двор опустел, а щенок-подросток с восторженным урчанием принялся стягивать со стола брошенное угощение, слепая бабка Алия, о которой в суете забыли, бессильно опустилась на крыльцо. Наверняка ей почудилось, иначе и быть не может. Да и лет прошло сколько...

Но она могла бы всеми богами поклясться, и даже сама присягнуть на воде, что уже слышала этого голос.

Глава 6

Божий суд

Небесное светило медовыми каплями стекало на частокол леса. Дурное время для божьего суда: ночью вылезают из укрытий твари лесные, сильнее становится нечисть. Однако ждать никто не стал. Куда там! После признания несостоявшейся невесты никто глаз до рассвета не сомкнёт, да трижды обойдёт избу по кругу с горящей лучиной, дабы впущенное ею лихо не пробралось в соседние дома!

Невеста Хозяина болота... И ведь не скажешь, что сболтнула! Волосы Ивы взаправду позеленели, то всякий видел. Хотя Лелея и отшучивалась, что выкрасить косу кто угодно может.

Нет, от таких, как Ива, лучше держаться подальше. Не зря она родилась полумёртвой. Бабка Алия с *того* света вытаскивала слабое дитяtko, не ведая, какую беду оно принесёт спустя годы.

Недобрые мысли одолевали людей, явивших на суд. И уж никак эти люди не были на стоне девицы. К ней и подойти-то боялись, всё рассматривали издали да ловили за воротники любопытных мальчишек, норовящих выдернуть зелёный волосок из головы Ивы. А девка шла гордо, вскинув подбородок. Будто бы и не она вовсе повинна в том, что вместо праздника люди на казнь явились.

Вот и река. Звонкая, быстрая, холодная в самую лютую жару. Бабы вечно спорили, кого из домашних отправить полоскать бельё, ведь покуда вернёшься отогреться, пальцы занеমেют – не разогнёшь.

Когда соседи в нерешительности замерли у края тропки, сбегавшей к мосткам, Ива дальше пошла одна. Там, внизу, уже стоял тот, кто вызвался отвечать на суде вместо неё.

Она спустилась и ступила на мостки.

Он не шелохнулся.

Поклонившись спине чужака, Ива молвила:

– Зачем беду кликаешь, добрый молодец? Ты не наш, не тебе за меня отвечать.

Он усмехнулся, ровно каркнул, и принялся раздеваться. Развязал кушак, скинул рубаху. Когда дошла очередь до порток, Ива вспыхнула и отвернулась.

– Что смутилась? Гляди! – поддел её чужак.

Ива стиснула зубы. С берега за ними жадно следили деревенские. Первыми стояли мать с отцом, ни словом не перемолвившиеся с Ивой по дороге. Чуть поодаль – Бран с семьёй. Те о чём-то спорили, но Ива не слышала.

Так уж заведено: тех, кто пришёл на божий суд, надобно осмотреть с темени до пят, проверить, не укрылся ли где потаённый амулет, призывающий милость богов. И только после этого им должно ступать в воду.

Эка невидаль – голый мужик! Будто Ива прежде таких не видала! Они с подружками бегали подглядывать, как засеивают поля. А засеивали их как заведено – без портков. Как же иначе одарить Мать-землю, упросить родить урожай? Только поделившись мужской силой! Ива смотрела лишь однажды, да потом долго заикалась от стеснения всякий раз, как сталкивалась с деревенскими парнями. Подружки же во главе с заводилой-Салой бегали каждый год.

Девица собралась с духом и повернулась. Чужак стоял перед нею в чём мать родила, но ничуть не стеснялся. Ладный да складный. Деревенские мужики к середине лета все загорелые, этот же бледный – мертвец мертвецом. Однако ж под кожей, по-девичьи тонкой, виднелись крепкие мышцы, оплетённые синеватыми жилами. Он подбоченился.

– Ну?

– Нету на тебе оберегов, добрый молодец.

Ей бы сказать это громко да звонко, чтобы все слышали, но Ива едва лепетала, безотчётно краснея.

– Не о том тебя спрашиваю, – едко фыркнул мужчина.

– О чём же?

– О том, хорош ли.

Девушка облизнула враз пересохшие губы.

И что тут скажешь? Хорош ли? Пожалуй что и нет. Это Бран был хорош: крепок, синеглаз, с копной льняных кудрей. Силён и широкоплеч, как полагается кузнецу. Ива сама видела, как он одной рукой сминал подкову.

Чужак же... В сёлах про таких презрительно говорили «ишь, благородный!». И это правду было про него. Он не двигался, а будто бы плыл. Тягуче, по-жуткому неспешно. Смотрел свысока, говорил отрывисто, точно плетью хлестал.

Но Ива могла поклясться, что красивее мужчины в жизни не встречала...

А на вопрос так и не ответила. Вместо этого крикнула, обращаясь к клюквинчанам:

– Нету оберегов на добром молодце!

Настал черёд ответчика раздеваться.

Бран спустился нехотя, заложив большие пальцы за пояс. Прина и Луг проводили его знаком, ограждающим от всякого зла, – перечёркнутым крест-накрест кругом. Они бы вместе с ним и к реке пошли, и в омут бы нырнули вместо сына, да божий суд не допускал. Приблизится кто вместе с правым и виноватым к воде – великий грех возмёт. Только старосте, объявляющем начало суда, дозволялось стоять рядом с истцом и ответчиком. Но Нор пока не явился: он и набольшие отделились от шествия, чтобы отыскать в закромах и принести клетушки. Вот потеха будет, если окажется, что их за ненужностью пустили на дрова!

Кузнец остановился на самом краю мостков. Стянул сапоги и ступнёй попробовал воду – ледяная.

– Дура, – выругался он. – Во что ввязалась? И меня втянула ещё...

Ива могла бы ответить, что Бран ввязался сам, когда надругался над беззащитной девкой. Что она просила его отступить от свадьбы. Что он мог признать вину и мирно уехать из деревни. Она много чего могла бы ещё ответить, но смолчала. Всё, что хотела сказать некогда любимому мужчине, она уже сказала.

Чужак же скрестил руки на груди, ничуть не смущаясь своей наготы, и презрительно осмотрел кузнеца. Он был втрое тоще Брана, мышцы не бугрились, вздувая кожу, а любящая мать наверняка не кормила дитянку мясом почитай каждый день. Да и тяжёлый молот он раз за разом не опускал на наковальню, каждодневно умножая богатырскую силу. Но, несмотря на всё это, Ива вдруг поняла, что рядом с пришельцем больше не страшится Брана. Что тот, кто назвался её поручителем, оборонит от любого силача. И что сделает это играючи.

Ива отступила к чужаку и велела:

– Докажи, что нет на тебе оберегов, добрый молодец.

Бран зло сплюнул в реку и начал скидывать одежду.

Когда праздничная рубаха и порты легли на мостки, Ива одеревенела. Ей бы подойти к Брану, повернуть его, рассмотреть со всех сторон и доложить свидетелям, что обмана нет. Но сделать шаг оказалось не так-то просто.

– Что? – Кузнец выставил одну ногу. – Неужто стесняешься? А когда я тебя голубил, супротив ничего не говорила!

Скажи он это громче, быть может, симпатии деревенских переметнулись бы к девке. Но Бран не был дураком и голоса не повышал.

За Иву ответил чужак.

Он тоже говорил негромко и вроде даже без угрозы. Но от его речей пробрало холодом. – Я буду смотреть, как ты захлёбываешься, кузнец. И я буду улыбаться.

Будь Бран чуть более труслив, этого ему достало бы, чтобы развернуться и припустить обратно к мамке под юбку. Но Бран труслив не был.

Тем паче, уже подоспел староста с набольшими. И клетушки для божьего суда были при них.

Нор огладил седую бороду, собираясь взять слово, но передумал и просто махнул в сторону клетушек: проверяй, мол, любой желающий, что нет никакого секрета, что дверцы крепко запираются, а прутьев не выломать, хоть и стояли без дела сколько десятилетий.

Когда осмотр завершился, набольшие спустили клетки к воде. К каждой привязали конец пеньки, на другой же привесили колокольчик и оставили на берегу. Невмоготу станет пленнику, – успеет дёрнуть, авось ещё живым выволокут. Да только тогда сразу станет ясно: кто сдался, тот свою вину и признал. Случалось и такое.

Вдовец ещё раз осмотрел обоих парней, укоризненно качая седой бородой. Он-то надеялся, что на его век больше не выпадет эдакого суда. Чужака Нор проверял с особенный тщанием: мало ли, чего задумал! Этому, явившемуся невесть откуда, веры ещё меньше, чем хворой девке!

– Нету на них оберегов! – наконец доложил староста.

Ива, до того державшаяся, бросилась к неожиданному заступнику, намереваясь оттолкнуть его от клетки, но тот легко перехватил её за локоть.

– Пусти!

– С чего бы?

– Мои слова беду накликали, мне и отвечать! Негоже на загринок чужому человеку лихо сажать!

Угольная бровь искривилась.

– Чужому? А я чужой тебе, девица?

Ива опустила голову.

– Я не знаю твоего роду-племени. Имени ты не называл, а...

«А встреча на болоте мне и вовсе могла привидеться», – хотела закончить она, но чужак перебил.

Он склонился к её уху, обдав затхлым запахом болота, и прошепел:

– Так-то ты жениха величаешь? Чужим человеком?

Ива отшатнулась, с трудом вырвав локоть. А мужчина закончил:

– Аир.

– Что?

– Когда-то меня звали Аир.

Заступник издевательски поклонился Иве и вошёл в клетку.

Бран же участь оттягивал как мог. То ему занудилось перемолвиться со старостой, то аккуратнее переложить сброшенную рубаху, то каблук к каблуку переставить сапоги.

Наконец даже Нору надоело ждать.

– Ты, милоч, либо туды, либо сюды, – миролюбиво, но непреклонно велел он.

Кузнецу ничего не оставалось кроме как повиноваться.

Клетки опускали в воду всем миром. Когда-то давно на берегу стоял специальный ворот с продетой цепью. Им и опускали алчущих божьего суда. На сей же раз пришлось вручную. Ловушки дёргались и ходили ходуном, но погружались.

Когда вода достигла пояса мужикам, взвизгнула и бросилась к мосткам Прина.

– Что ж это деется, люди?! Где такое видано, чтобы безвинного человека топить?!

Муж попытался удержать её, но не успел. Женщина уже стояла на мостках и тянула клетку обратно, да куда там!

– Мам... Ну матушка! – Бран смутился и наверняка покраснел бы, да от ледяной воды кожа, напротив, белела.

Топиться кузнец не собирался. Он крепко-накрепко стиснул верёвку, к концу которой был привязан колокольчик. Она и без того не затерялась бы, привязанная к прутьям, но мало ли.

Его соперник на бечеву и не смотрел. Он, в отличие от Брана, не пытался привстать в клетушке на носочки, чтобы как можно позже с головой уйти в реку. Он сидел на дне, перекрестив ноги, и вода уже достала ему до подбородка.

– Уведите бабу! – приказал Нор. – Божий суд идёт!

Один набольший, старший сын вдовца, поплатился за попытку – Прина исцарапала ему лицо. Второй, Клюквенский пекарь, оказался умнее. Он ухватил женщину сзади за пояс, приподнял и поволол к мужу.

– Не дам! Дитё мне угробят! Не дам! – верещала она.

Лугу перепало немало побоев, когда ему передали жену. Не удержал бы, но стало поздно: клетушки почитай целиком ушли в воду.

Бран запрокинул голову и дышал часто-часто, наполняя лёгкие воздухом. Чужак скрылся уже целиком.

– Да не покинут тебя боги, Аир, – прошептала Ива, припав на колени и силясь рассмотреть что-нибудь сквозь прозрачную рябь.

Она ведать не ведала, что творится на глубине, но нутром чуяла – дурное.

А вот Брану довелось вблизи рассмотреть то, что осталось сокрытым для клюквинчан.

Когда он набрал полную грудь воздуха и нырнул, сразу открыл глаза: ежели видишь, что солнечный свет пробивается совсем рядом, руку протяни – и на свободе, всяко терпеть полегче. Холоднющая, будто колодезная, вода сразу впиалась в кожу колючими иглами. Но кузнец не раз и не два нырял зимой в снег после бани. Случалось, что и в прорубь. Да и в саму эту реку, испещрённую ледяными ключами, тоже. Подумаешь, продержаться дольше, чем соперник! Он сладит!

На всякий случай Бран усилил хватку на спасительной верёвке. Ему ли не знать, что иной раз от стужи мышцы сводит. Может статься, что пальцы не сомкнутся в нужный миг, так пусть сразу на месте будут. Впрочем, кузнец не сомневался, что наглый чужак сдастся первым.

Молодец поворотился, чтобы видеть противника. Наверняка тот, не подготовившийся к погружению должным образом, уже надувал щёки, удерживая последний вздох.

Однако то, что предстало взору кузнеца, едва не заставило его заорать, теряя спасительный воздух.

Чужак сидел как ни в чём не бывало, будто ему дышать и вовсе не надо. Под водой он показался не просто бледным, а ажно синим, как покойник. А глаза его светились потусторонней зеленью. Подобно иной раз светятся в темноте кошачьи: с перепугу можно принять зверя за крупного хищника и изрядно перетрухнуть. Наверное лишь потому, что Бран помнил именно такой случай, он не призвал в голос богов-заступников.

Но дальше дело стало ещё хуже.

Чужой человек улыбнулся, показав зубы, и Бран мог бы поклясться, что они у него были не человеческими, а острыми, как у нечисти. От улыбки пробрало жутью. Станет ли улыбаться человек, рискующий жизнью?

А чужак поднял руку, словно приветствуя врага.

Бран трусом не слыл и в долгу не остался: тоже поднял руку, складывая пальцы неприличным знаком.

Чужак беззвучно рассмеялся, и из его рта не вырвалось ни пузырька воздуха. Никак вовсе не дышит?!

Угольные волосы его метались, точно речные угри. И вот тут-то кузнец заподозрил неладное. Не сказать, чтобы он рассматривал выскочку прежде, чем нырнуть. Тоже диво: какой-то заезжий хлюпик застал случайную ссору и решил приобщиться к старинному обычаю. Однако Бран мог поклясться, что волосы у противника были не длиннее ушей. Ныне же течение полоскало пряди, достигающие лопаток. И те всё продолжали расти!

Вот чёрные ленты заняли собою всю клетку, почти спрятав чужака коконом, вот они полезли сквозь прутья...

Бран выпучил глаза и прижался к дальней стене – чёрные угри... Нет! То не угри и уж давно не волосы! Из головы, из рук, из плечей пришельца тянулись тёмные подвижные щупы. Будто смола из надрубленного дерева. Вот только смолой ствол плачет медленно, и страшного ничего в ней нет. А щупы шевелились, как живые, и росли, росли, росли... В его, Брана, сторону! Что случится, если, не дай боги, коснутся?!

А страшный человек открыл рот и спокойно произнёс:

– Я буду смотреть, как ты захлёбываешься, кузнец.

Не угрожая, нет. Он лишь сказал Брану, что собирается делать. А потом направил в его сторону руки, и щупы повторили движение, устремившись к бедному кузнецу.

– Ма-а-а-а-а!...

Разом забыв, для чего нырял, Бран двумя руками схватился за пеньку. На берегу лишь увидели, как второй конец верёвки, с привязанным к нему колокольчиком, натянулся и убежал в воду. Придерживающий его патлатый мальчишка, гордый доверенной работой, и поймать не успел.

– Поднимай! – тут же заорал Нор. Ему, старосте, не хотелось, чтобы из реки вынули захлебнувшегося парня, а значит следовало поторопиться.

Потянули сразу же. Десяток дюжих мужиков единым махом вцепились в верёвку, клетка пошла наверх... Для Брана же мгновения показались вечностью, а испытание пыткой.

Чёрные ленты скользнули сквозь прутья его клетушки, свились змеиными кольцами. Вот-вот укусят, пустят яд в кровь... Бран проломил бы разошедшееся дерево ловушки, да со страху так завизжал, что растерял весь запас воздуха. Он бездумно тянул к себе верёвку с берега, а когда она кончилась, окончательно убедился: сейчас встанет перед Огненными вратами. Его бросили в реку, утопили, и, насмехаясь, кинули следом спасительный колокольчик.

Так думал кузнец, с перепугу не соображая, что клетка уже идёт вверх. Ему-то казалось, что приближающийся солнечный круг – это огненный вход на *тот* свет.

А чёрные щупы оплетали его, разливая по телу холод, куда страшнее того, которым встретила река. Ласковые убаюкивающие прикосновения сковывали, лишали рассудка.

«Глотни водицы, добрый молодец! Глотни да засытай. Не будет ни боли, ни страха, одна тишина. Прорастёшь ты зелёной травой, станешь смотреть в небо и любоваться далёкими птицами... Это ли не счастье?»

Ужас уступал место тупому безволию. Кровь в жилах загустела, утратила ток, словно застоявшаяся, гнилая вода. Бран безразлично смотрел, как его оплетает страшное и чёрное, как оно захлёстывает удавкой горло, как щупы червями заползают в уши и глаза.

– Подним-а-а-а-ай! – донёсся издалека голос, вроде бы знакомый.

А следом другие:

– Сыночка! Родной!

– Живой!

– Тяни, тяни!

Когда кузнеца выволокли на сушу и под руки достали из ловушки, его колотила крупная дрожь. Бран молчал и ошалело оглядывался, не узнавая никого вокруг.

Про вторую же клетку, с чужаком, вовсе забыли. Если бы не Ива, перекрывшая криком общий гомон и одна взявшаяся её тянуть, могли бы и так бросить.

Староста подозвал набольших, о чём-то негромко с ними перемолвился. Огладил седую бороду и нехотя прокряхтел:

– Боги свершили суд. Кузнец Бран, ты признан повинным в том, что надругался над дочерью торговца Крепа.

– Да будь ты проклята, девка! – заверещала Прина.

Она рванула бы выдирать Иве позеленевшие волосы, но не решалась выпустить из объятий обмякшего сына. Краска будто бы разом схлынула с лица женщины: эдакий позор! Сын – насильник! Да не пойманный с поличным, а обвинённый какой-то тварью!

Луг смущённо топтался рядом, порываясь коснуться плеча жены. Он тоже косился на Иву недобро.

Староста вразвалочку приблизился к Брану, заглянул в обезумевшие глаза, пощупал ледяной лоб и смягчился:

– Однако ж, покуда ты, Прина, сына не выходишь, мы его из деревни не погоним. Пушай отогреется, в себя придёт... Соберётся, как подобает. А там уже идёт за околицу.

Ежели несчастную мать его слова и утешили, виду она не подала. Она всё так же баюкала сына и призывала Отца-Небо наказать клеветницу, да так, чтобы мать с отцом поклялись забыть имя Ивы.

Оправданная девица же стояла рядом, не в силах возразить: она и правда лишила мать любимого сына. Теперь кузнецу не место в деревне, теперь ждёт его позор и изгнание. Не лучше ли было промолчать да покориться родительской воле?

Ива размяла запястья, на которых прятала синяки после урожайной ночи, посмотрела на Аира, выпущенного из клетки и с молчаливым достоинством натягивающего на мокрое тело одежду.

Нет, не лучше. Не только за себя она сегодня приняла позор, но и за всех тех девок, которых мог ещё сневолить кузнец. За всех тех, кому задрали подол и у кого не достало мочи признаться.

Ива до крови закусила губу, чтобы не пустить горькие слёзы. Теперь и ей проходу не дадут, и матери с отцом. Но пока деревенские, шумя и переговариваясь, не покинули берег, пока Прина и Луг не увели сына, пока Лелея и Креп, укоризненно покачав головами, не последовали за толпой, Ива стояла, гордо выпрямившись. И только после того, как клюквинчане скрылись из виду, села и заплакала.

После осуждающих перешёптываний, всё ещё шуршащих в ушах, его голос показался ласковым. Ива подняла голову: она и забыла, что осталась на берегу не одна! Чужак... Тот, кто назвался Аиром, не отправился обратно в деревню. Он всё так же стоял рядом, небрежно закинув на плечо рубаху в расплывающихся пятнах влаги.

– Что?

– Спрашиваю, долго ли рыдать будешь, – повторил заступник.

Спохватившись, девушка вскочила и отвесила низкий поклон, мазнув кончиками пальцев по мосткам.

– Спасибо тебе, Аир. Ты за меня заступился, не побоявшись ни людей, ни богов...

– Людей я не боюсь уже очень давно. А богам и подавно никогда не уступал.

Ива не спешила разгибаться. И не потому только, что честь честью благодарила молодца, ещё и оттого, что глядеть ему в лицо страшилась.

– Чем могу отплатить тебе?

Смех снова показался ей карканьем. Так смеётся тот, кто давно забыл, как это делать. Аир присел на корточки, подцепил пальцами её подбородок и встал, заставляя девушку разогнуться вместе с собой.

– А разве ты мне ещё не отплатила?

Ива смотрела в зелёные глаза – и узнавала. Узнавала – и не верила. Не могло такого случиться, чтобы Хозяин болота обратился человеком и явился за нею в деревню! Или может?

– Того не ведаю...

Узкие губы искривились в ядовитой ухмылке.

– Не ведаешь. Ну что же, тогда отблаговари.

– Чем же?

Горло девушки сдавило: какой награды может пожелать чужой человек? Уж не той ли, какую обычно шутливо требуют парни с девок?

Однако ж Аир на клюквинчанских молодцев походил меньше, чем ворон на петуха. Он и попросил не того, о чём не преминул бы любой другой на его месте.

– Сшей мне рубаху.

– Рубаху?

– Рубаху, – кивнул заступник. – С вышивкой. Такую, чтоб на свадьбу не стыдно надеть.

Ива невольно засмотрелась на его обнажённые плечи, на грудь, на впалый живот... Рубаху...

И внезапно робко, пока ещё сама не уверенная, что имеет на то право, улыбнулась:

– Будет тебе рубаха. Только если...

Угольная бровь изогнулась: неужто ты, девка, условия ставить вздумала?

– Только если скажешь, какого ты роду-племени, – торопливо закончила девушка. – Как же вышивку делать, если не знать?

Чужак бессильно развёл руками:

– Нету у меня ни роду, ни племени. Вшей свои родовые знаки, девица. Небось в том беды не будет.

Что ж, беды в том и правда не будет. На рубахах женихов невесты испокон веку чередовали вышивку своего рода и рода милого. В семье Ивы то были лягушки. Их она могла бы вписать в узор с изображением молота, принятого в роду Брана. Когда-то она представляла этот рисунок со сладким трепетом, переносила угольком на лоскуток ткани. Ныне же...

– Тогда кто ты, чужой человек? – решившись, спросила она.

Хитрец нипочём сам бы не признался, так почему бы не спросить напрямую: ты ли, мол, Хозяин болота?

Аир коснулся её щеки, и Иву пробрал холод до самых пят. Коснись её так Бран – улепетнула бы не задумываясь. Она и ныне рада бы, да ноги приросли к месту...

– Я тот, кто явился тебе в заступники. Ты разве не звала?

Глава 7

Враки

Течение реки замедлилось и через седмицу почти пропало. Некогда буйная Ключинка захирела и принялась обрастать тиной и камышами. Вода позеленела, да так, что бабы не могли постирать на берегу бельё – всё выходило в грязных разводах.

– Недобро... – Качали головами старухи.

Приходил и Нор. Он с умным видом прошёлся вдоль Ключинки, покидал в реку камешки и покачал седой головой.

– Заболотила, – пояснил он явившемуся с ним сыну, будто и так не было ясно.

Отчего вдруг полная звенящих ключей речушка потеряла всякую волю к движению, он тоже не понимал. Но лицо следовало держать. Поэтому староста велел парням повыворачивать поросль да отчерпать вёдрами ряску.

Покуда муть не вернулась в русло, девки высыпали из деревни с полными корытами стирки. Среди прочих была и Ива. Однако подле неё никто не сидел, не хихикал, валяя бельё по камням, не брызгался водой и остатками мыльнянки. Все косились на неё, не рискуя осуждать в голос, но не желая и водиться. Каждая слышала, как Ива перед всей деревней отдала себя Хозяину болота. А зелёные волосы, которые охальница не слишком-то старательно прятала под платком, ажно кричали, что нечисть приняла подношение. Ну и как с такой задружишься? Сразу ясно, что бед не оберёшься с нею рядом!

Ива склонилась к воде, стараясь не смотреть по сторонам, и полоскала рубаху. Пальцы, прежде чуткие к холоду, не немели. Напротив, река казалась ей парным молоком, хоть девки вокруг и визжали, когда обливали друг дружку.

Притопив рубаху, девушка закрыла глаза. Едва чутное течение обласкивало ладони, редкая поросль щекотала кожу – сердцу радостно! Точно кто-то утешающе гладит руку: не бойся, не одна ты! Никто боле не обидит!

Вот щекотнула плавником рыбёшка – Ива дёрнулась, испугавшись, и распахнула глаза. Вот взбаламутился ил на дне. Вот мелькнула кляксой расплывшаяся тень. А вот что-то сверкает зеленью, подмигивает среди водорослей. Девушка вгляделась. Вроде уже не один огонёк, а два. А если согнуться ещё немного, то кажется, что среди обломанных камышей кто-то спрятался.

Ива свесилась с берега. Прядь зелёных волос выбилась из-под платка и мазнула по поверхности воды. А тот, кто смотрел снизу, повторил движение, приподнялся, глядя в ответ отражением. Да только отражение обыкновенно рисует того, кто глядит в стекло, а ныне же, как в вечерних гаданиях, Ива видела по ту сторону тонкой границы жениха.

Хозяин болота словно бы стоял под водой, а словно и нет. Он был частью этой реки, тело его колыхалось с нею вместе. Кинь камень – растает расходящимися кругами.

Девка обмерла. Схватит? Утащит?

– Кто ты? – неслышно шевельнул губами Хозяин болота.

Ива ажно хихикнула:

– Неужто не знаешь?

Он мотнул головой, словно невеста неправду молвила. Коснулся рук Ивы, всё ещё держащих под водой рубаху. Девушка от неожиданности разжала пальцы, и тельник поплыл вниз по течению белокрылой птицей. Но Ива и не заметила. Она склонилась к болотнику, почти касаясь губами воды. Как не склонится? Зелёные глаза заманивали на глубину, обещали открыть неведомое. Тянул ли её к себе Хозяин болота или Ива сама вот-вот и ринулась бы в Ключинку?

– Ты – она? – с надеждой спросил мужчина.

Он переплёл свои пальцы с её. Всмотрелся, силясь найти что-то важное в облике девушки.

Ива прошептала:

– Кого ты ищешь? Кто нужен тебе, владыка топей?

Не то мужчина горестно искривил рот, не то укрывшееся тучкой солнце пустило неудачный блик.

– Не она... Она бы знала.

Иве стало горько. Сейчас Хозяин не выглядел монстром, каким впервые предстал перед нею. Быть может потому, что стоял светлый день, а вода в реке была почти прозрачна, не чета чёрному болоту?

– Чем утешить тебя? Как обогреть?

– Утешить... – прошуршал Хозяин в ответ. – Утешить... – Глаза его потемнели, из них вязкими каплями потекло чёрное и страшное, уносимое стремниной дальше. И там, где пролегали чёрные полосы, начинало тянуть гнилью. Хозяин жутко улыбнулся. – Я утешусь. О, как я утешусь!

Чёрные слёзы растаяли в воде, река всколыхнулась волной, едва не выйдя из берегов. Пальцы, только что нежно обнимающие ладони Ивы, превратились в стальной капкан: рвись-не рвись, не выпустит!

И тут кто-то из деревенских, подкравшись сзади, пихнул Иву в спину.

Она с визгом кувыркнулась в реку. На мгновение помстилось, что снова оказалась в болоте, да не по колено, а целиком. И теперь ни вдохнуть, ни выбраться! Ива забарахталась, не понимая, где верх, где низ, а девки на берегу знай хохотали! Чего пугаться: воды едва по пояс! Колени-то разогни, дурёха, – и встанешь во весь рост! Когда же это поняла сама Ива, страх улетучился. Исчезло и болото, и лес, и жуткие топи, всплывшие в её памяти.

Она под всеобщее улюлюканье выбралась на сушу и отжала подол. Платок уплыл вслед за рубахой, и предстояло сильно постараться, чтобы их нагнать. Зелёные волосы разметались по плечам.

Ива окинула бывших подружек затравленным взглядом, но те, видно, усмотрели в нём угрозу, а не обиду, и отшатнулись.

– Проклян! – в шутку пригрозила девушка, безошибочно указывая на зачинщицу – конопатую нескладёху, пока ещё не вошедшую в возраст невесты.

Девушка ещё не обрела взрослой стати, однако тело того не знало и всё норовило вырасти. Да не равномерно, а по очереди: то одна грудь, то вторая. То нос, то губы... Нескладёха хрюкнула от испуга и юркнула за спины подружек.

Но вместо смеха, всегда сопровождающего дурные шутки, раздался всеобщий вздох. Первой обрела голос дородная красавица Сала:

– Мавка!

Она аж покраснелась, став похожей на ту дюжину свинок, которыми по праву гордился её отец.

Остальные подхватили. Громче всех кричала Хоря, харчевникова наследница:

– Мавка! Мавка!

– Я не...

Ива закусила губу. Как докажешь? Всё одно в своей правоте никого не убедить. Кричи-не кричи, а волосы зелены и лучше всяких наговоров кажут, кто тут с нечистой силой водится.

А Ива-то и правда с ней водилась! И домашнего духа, являющегося то чёрным котом, то мышкой, то сверчком она теперь с рук потчевала. И колтун при виде неё прятался в сноп сена, и хвороб – маленьких злыдней, похожих на комочки шерсти, она метлой выметала из углов. Так что ж теперь перечить?

Уперев руки в бока, она проговорила:

– Ну мавка. И что с того?

Девицы так и опешили. Они небось ждали мольбы и слёз: мол, человек я! Ваша! Неужто не верите? А Ива возьми да согласись! Как быть?

– С нечистой силой водишься! – неуверенно укорила нескладёха.

Ива подтвердила:

– Ну вожусь. А тебе, Еня, никак завидно?

Красавица Сала, будучи бойчее прочих, выступила вперёд.

– И Хозяин болота тебя к себе утащит!

– Не утащит, – поправила Ива, внутренне содрогнувшись, – а под руку возьмёт и женится. А тебе с сыном мясника миловаться. Ты за этого толстяка с младенчества просватана!

Красавица скривилась: косоглазый парнишка был ей не люб, а насмешки собирал со всех деревенских парней. Но отцы их и правда всё порешили заранее, даже успели прикинуть, как перестроить дома, чтобы вышло большое родовое имение, да с пристройкой, где можно открыть лавку.

– Покуда я слова поперёк никому не молвила, – между тем продолжала Ива, – всем хороша была! И на вечёрки меня звали, и кудель вместе прясть. А уж от пирогов матушки моей и подавно никто не отказывался! А ныне не угодила? Ныне плоха? Отчего же? Что я за себя постояла, а никто из вас не сумел?

От этих слов нескладёха Еня горько завывала – видно и на её сердце тяжким бременем висело горе. Девки кинулись её утешать, утирать слёзы. Сала же плюнула Иве под ноги.

Ива пожала плечами, развернулась и пошла вниз по течению, куда уплыла брошенная рубаха. Она держала спину прямо и шагала твёрдо до тех пор, пока кто-то из девок ещё мог её видеть, но, когда русло завернуло за холм, слёзы сами покатались по щекам. Девушка утирала их рукавом, но тот, промокший, мало чем помогал.

Как-то само собой вышло, что ноги вынесли её к опушке. Там, недалеко от берега Ключинки, дюжину зим назад обосновалась слепая бабка Алиа. Младшая дочь Лелея долго умоляла её вернуться в род, не позорить семью, но старуха была непреклонна.

– Я слепая поболее вас зрячих вижу, – говорила она.

И ничто не могло заставить её изменить решения. Вот и вышло, что Креп с женой, не в силах переубедить своевольную старуху, сдались и помогли ей переделать продуваемый сквозняками шалашик, который она объявила жилищем, в маленькую, но крепкую избёнку. Уважая старость, они помогали Алие с бытом, приносили снедь, но та всё больше отказывалась:

– Я не немощная. Без вас обойдусь.

В деревне она показывалась редко. Разве что на смотрины к внучке явилась, да и то без большой охоты. А до того не пересекала околицы с позапрошлой весны.

Когда на свет появилась Ива, Алиа сначала выхаживала хворого младенчика, а опосля, когда девчонка начала бегать по двору голышом, нянчила её пуще родных дочерей. Тогда-то старуха и начала слепнуть. Словно последнее здоровье отдала, чтобы вытащить внучку, рождённую одной ногой на *там* свете. А убедившись, что та выросла, хоть и худой, но крепенькой, покинула родню.

Алиа рассказывала сказки про незримых жителей леса, про духов, про то, как договориться с богами. И про болото рассказывала. Что даже в самый страшный час туда соваться не след. И Ива с подружками, слушающие с открытыми ртами, твёрдо усвоили: в запретную чашу – ни ногой!

Избёнка была совсем крошечная. Одному человеку – и то тесновато. Зато отапливалась с полполенца, а для одинокой слепой бабки это важнее. Не было даже забора. Креп некогда

порывался поставить хоть какую ограду, дабы не лезло дикое зверьё: лес-то рядом! Но Алия погнала его метёлкой:

– Ты мне не перечь! Схоронюсь как-нибудь! Мне не звери страшны, а от того, кто и впрямь навредить может, твой плетень не защитит!

Креп поспорил-поспорил, да и плюнул. Чего с безумной старухи возьмёшь? Небось оголодает, сама домой вернётся. Но годы шли, а Алия не возвращалась, окончательно одичав и прославив деревенской ведьмой.

На ведьму она походила всего более: с распущенными седыми космами, с вплетёнными в волосы верёвочками, в наряде, сшитом из звериных шкур, невесть как добытых и обработанных. Издалека её можно было принять за одного из тех духов, что, по поверьям, обитали в лесу.

– Ба!

Стоило узнать сгорбленный силуэт у воды, слёзы сразу высохли. Ива подбежала к старушке и заключила её в объятия, ничуть не опасаясь напугать: слепая услышала гостью задолго до того, как та её окликнула.

– Ну шо ты, шо ты носисси?! – сварливо попеняла внучке Алия. – Упадешь, расшибёсси! Унуча! Ты, никак, мокрая вся?! Простудисси!

Старуха сцапала её за ухо. Иве бы вырваться: как так?! Взрослая девка, а её ровно малое дитё треплют! Но она не стала. Иной раз малым дитём побыть в радость, и пусть его, ухо. Не так уж сильно бабка его дерёт.

– На, няси. – Алия безошибочно сунула девушке в руки рубаху, только что выловленную из реки, потом замерла, чутко прислушиваясь, и резким, нестарушечьим движением подхватила зацепившуюся за корягу косынку. – Стирають?

– Ага.

– Оно и видно. Вечно что-то упустите в воду, неумёхи! А ну как речной конь польстится и выглянет? Как потом его обратно в воду затолкаете? Нябось ня подумали?

– Не подумали, – покорно согласилась Ива, позволяя втащить себя на крыльцо.

– Потом заиграитси, все посева потопчеть! А усё из-за вас, растерях! Ты, унуча, подружкам-то скажи, скажи!

– Скажу, – кивнула девушка, умолчав о том, что подружки теперь её точно не послушают.

– Ну, чаго встала?! Стоить она! Застудисси! – Алия ощупала понёву внучки, потрогала волосы (Ива от души порадовалась, что бабка не видит их цвета). – Ровно в Ключинке искупнулась! Ходи, ходи в избу!

Пока старушка суежилась вокруг, скидывая в котелок сушёные травы, Ива стянула мокрую одежду и завернулась в одеяло. Забралась с ногами на лавку и принялась смотреть.

За годы в избушке мало что изменилось. Казалось, она застыла в одном дне, как когда-то застыла и сама Алия. Сколько Ива её помнила, старушка всегда была именно такой: суевой, строгой и заботливой. Она всегда находила, чем угостить явившихся к ней на засядки девчушек, но и попенять им за безделие не забывала. Ива с подружками лутили горох и плели лук, сидя с поджатыми ногами на этом самом скрипучем полу. И он всегда был тёплым, даже в самые лютые морозы. Вот там, на углу печки, Ива когда-то угольком нарисовала страшного монстра – чёрного, косматого. С его пальцев стекали тягучие капли. Рисунок и поныне оставался на месте, слепая бабка не знала, что он там. И котелок был тот же самый, из которого Алия поила их, малых детей, травяными отварами. Старушка плеснула в него воды и выскочила во двор, к летнему очажку, – погреть.

Запах тоже был родной. Пряный, пыльный, густой... Казалось, приляжешь прикорнуть на лавку, – проснёшься уже в ином времени. Где страшный монстр – всего лишь рисунок на печи, где бабушка гладит по волосам, прервав неоконченной сказку, где главная несправедливость для Ивы – то, что её гонят домой, не позволяя остаться на ночь у старой Алии.

– Бабушка, – пригревшись после ледяной речки, Ива зевнула и повыше натянула одеяло, – Расскажи враку, а?

Враками в Клюквинках звали сказки. А что же они как не враки? Ежели говорить хорошо и верить в то, что сказываешь, враки могли и правдой обратиться. Бабка Алия как-то баяла про кривую горбатую девку, что наврала себе красавца-жениха. А тот возьми и явись! Вот она – сила слова!

– А что бы и не рассказать. – Старушка присела рядом, положив на мокрый затылок внучки морщинистую тяжёлую ладонь. Задумчиво отхлебнула из чашки, которую приготовила для Ивы. – О чём тебе, унуча?

– О Хозяине болота... – прошептала девушка, засыпая.

Незрячие глаза Алии затуманились. Морщинки, трещинами расползающиеся по загорелой коже, пролегли глубже обычного.

– Про Хозяина... Будет тебе про Хозяина.

Сказывают, когда-то он был человеком. Врут, как пить дать врут!

Не может такого быть, чтобы монстр по земле ходил, чтобы ел от одного хлеба с нами, чтобы... любил. Не было у него никогда души – враки!

Родился он в трясине, в самых топях. Там, куда не суются звери, где не растёт клюква, где мухоморы присматривают за порядком, да духи лесные водят хоробы по одним им известным кочкам.

Страсть как он не любил солнечного света и чистой воды! И от нашего воздуха ему тяжело становилось. Вот и сидел он в своей чаще, дышал смрадом болотным, напускал по ночам туман на лес. Тот туман иной раз тянул щупальца к деревне, что стояла недалеко от опушки, но боги миловали, не пускали зла за околицу. Так и жили: монстр на своей земле, люди на своей. И никто ту черту не пересекал, ведь каждому известно: что в лапы чудовища болотного попадётся, то он ужасно не выпустит. Станет ходить, незримый, по пятам, лишит сна и покоя.

Но, как водится, всегда найдётся та, кому завет старших не указ. Нашлась и тогда...

Девушка была чудо как хороша! Стройна что лоза, черноброва, ступала лебедушкой!

Раз пошла она по грибы на ночь глядя. Да не абы куда, а в самую запретную чащу! Никого не взяла с собой. Ни верного пса, ни подружек, ни младшую сестрицу, хоть та и упрашивала слёзно.

– И тебя не возьму, и матушку с батюшкой не беспокою! – наказала красавица. Подхватила лукошко – и была такова.

И ужас как плакала малышка, как тревожилась, а всё одно сестру не воротить. Младшенькая-то помнила запрет старших: в лес да после заката, никак нельзя! Там твари страшные, там монстры бездушные, там чудовища – сожрут, не подавятся!

Сколько младшенькая плакала, сколько молилась богам, чтобы беды не случилось, да, видно, ночью светлых богов не дозовёшься. Так и уснула она калачиком у порога.

А под утро вернулась сестрица. Да не такой вернулась, какой уходила. Всё же угодила она в лапы чудовищу! Бледная да румяная, с глазами шальными, губами алыми, искусанными, ровно при горячке. В темноте она не заметила сестру, прощмыгнула через клетку, скинула поскорее одежду и поспешила обмыться. Но младшенькая заметила и красные следы укусов на её шее, и полосы от когтей и кровь на ногах. Попалась сестра монстру! Попалась и не сумела отбиться!

Рассказала младшая матери с отцом, какая беда сестру постигла, да поздно. Не спасти уже...

С тех пор ушло из семьи счастье. Ослушница не только на себя беду накликала, но и нечисти открыла путь в деревню. Ночь за ночью пропадала она, являлась к Хозяину болота по первому зову.

Младшенькая пряталась, лишь заслышав тяжёлые шаги под окном. Аж уж тот голос, что манил сестру из дому, и вовсе не смогла бы забыть!

– Выходи, любушка! Выходи, милая...

И сестра шла, как козочка к мяснику.

Ни мать ни отец не могли её вразумить. Уж и дома её запирали, и охрану ставили, и дюжих парней просили оборонить от зла. Ан нет! Шмыг – и не доищешься красавицы до утра! Ровно сквозь землю провалилась!

А ежели монстр лесной кого приметил, живым уже не выпустит! Высосет всю душу, оставив одну пустую оболочку.

Так и случилось.

Однажды посадили девицу под замок. Да не просто так, а с криком и обидами! Та причитала и на колени падала, вопила и рвала волосы, но мать с отцом не отступились. И тогда-то, на закате, случилась беда.

Девица выпрыгнула в окно и бегом припустила к лесу. Как была: простоволосая и босая. Бежала так, словно жизнь её от того зависела – вот как силен зов Хозяина болота!

Младшенькая было увязалась следом, да попалась матери. Та ухватила дочь и, плача, увела со двора.

А к первым петухам сестру приволок домой отец. Да только не она это уже была. Выпил её душу Хозяин, иссушил до костей. Стала красавица своей тенью. Бледна, холодна, от еды и воды отказывалась.

По лету явились к ней сваты. И всё честь-честью: жених хорош, высок и статен, сватовство как бабки заведали, обрядовые блинцы на славу удались. А всё девице не в радость, всё смотрит она на чёрную чащу, вздыхает, не спит ночами, когда туман тянется через холмы к деревне...

Сказывают, коли однажды повелась с нечистой силой, не жить тебе среди людей. Так и случилось.

Девица ушла в лес в ночь перед свадьбой. Не прибрала волос и котомку на плечо не закинула. Только младшенькую поцеловала на прощание.

– Не поминай лихом сестрица, – попросила она. – Быть мне женой Хозяина болота. Иначе свет не мил.

Девицу нашли уже утром. Расспросили младшенькую и докумекали, где искать. Она лежала в белоснежной рубахе на чёрной глади болота, раскинув руки, как крылья. Она смотрела в небо, а улыбка так и застыла на губах. С ней её и похоронили.

С той поры Хозяин болота ищет свою невесту. Богами ему заказано покидать чащобу, а мудрые старики ещё и поставили околицу на четырёх железных столбах, дабы освящённый огнём металл отпугивал зло. Но ежели какая девка по недосмотру али глупости забредёт к запретной границе, ждёт её одна участь: утащит её к себе Хозяин, сделает бездыханной невестой. И никто боле добрым словом её не вспомнит.

Иве снился сон. В том сне было чёрное болото и зелёные огни, похожие на глаза. Они заманивали её, босоногую, в трясины, звали и всё силились что-то сказать. Ива прыгала с кочки на кочку, надеясь поймать те огни, забредала в непроглядную чащобу и давно уже потеряла дорогу, по которой пришла. Но огни всё не давались в руки.

– Покажись, не прячься! – взмолилась девушка.

– Убоишься!

– Не убоюсь! Покажись!

Ива потянулась за зелёными огоньками, вот-вот достанет! И тогда из чёрного болота поднялся... Ива вздрогнула и проснулась.

Бабка Алиа сидела рядом, гладила её по волосам и слепо смотрела куда-то туда, куда зрячим хода нет. Остывший вар плескался в кружке и в него, сбегая по морщинистым щекам, капали слёзы.

Глава 8

Хвороба

Ива вернулась в деревню позже прочих девок. Слава богам, те не польстились зло пошутить над мавкой и не вывернули всё бельё в реку, но и забирать с берега не стали. Ива собрала одежду, подняла отяжелевшее корыто и пошла к околице. У ворот остановилась, нерешительно потопталась на месте и, пока никто не видит, отвернула край плетня: столб, держащий створку ворот, и в самом деле был железный. Диво ли, им, малым детям, слушавшим сказки слепой Алиии, ни разу не пришло в головы проверить, правду ли баяла бабка! А теперь, по всему выходило, что правду!

Вот только не отпугнул освящённый огнём металл зло: Хозян болота всё же вошёл в деревню. Или, быть может, тот, кто ковал это железо, сам не был достоин божественного огня?

Домой предстояло идти мимо кузнецова дома. И уж Ива не сомневалась, что ей там не преминут помои под ноги выплеснуть. Оттого она не спешила, тянула как могла. Завернула к колодцу – водицы испить.

Провернула ворот, вытягивая ведро с водой, наклонила, отпила...

– Тьфу! Тьфу, гадость!

Не дело обижать духов воды, но тут уж девка не утерпела: водица на вкус была что прокисшее молоко. И только теперь Ива догадалась заглянуть в ведёрко: изнутри оно покрылось липким зелёным мхом. Комья грязи плавали по поверхности, где-то у дна шмыгнул головастик. Ива выплеснула воду и наново опустила ведро в колодец. Прокрутила ворот... И опять достала лишь болотную жижу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.